

ОИБИРИАДА

ВАЛЕРИЙ
ХАЙРЮЗОВ

БОЛОТНОЕ
ГНЕЗДО

Сибиряда

Валерий Хайрюзов

Болотное гнездо (сборник)

«ВЕЧЕ»

2016

Хайрюзов В. Н.

Болотное гнездо (сборник) / В. Н. Хайрюзов — «ВЕЧЕ»,
2016 — (Сибириада)

ISBN 978-5-4444-8401-2

Новая книга известного писателя-сибиряка Валерия Хайрюзова — это яркая, объемная, захватывающая и поразительная по своей глубине панорама жизни сибирской глубинки. Герой повести «Болотное гнездо» Сергей Рябцов, отслуживший срочную и успевший получить «печать войны» в Афганистане, возвращается в родные места, в притаившийся среди иркутских болот, богом забытый поселок, — и узнает, что жить отныне ему негде. Родственники решили, что он погиб, и продали дом, в котором Сергей вырос. Неожиданно для себя парень оказывается перед непростым выбором: попытаться вернуть прежнюю жизнь или начать новую с чистого листа?.. В повести «Луговой мотылек» люди, вынужденные всеми силами бороться с нашествием прожорливого вредителя, оказываются в ситуации, когда нужно решать, готов ли ты пожертвовать собственным добрым именем ради спасения общественного урожая? А пронзительная, берущая за душу история дружбы и беззаветной преданности собаки и человека в новелле «Нойба» не оставит равнодушным никого!

ISBN 978-5-4444-8401-2

© Хайрюзов В. Н., 2016

© ВЕЧЕ, 2016

Содержание

Болотное гнездо	5
Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	12
Глава 5	17
Глава 6	21
Глава 7	25
Глава 8	29
Глава 9	32
Глава 10	34
Глава 11	36
Глава 12	39
Глава 13	52
Глава 14	54
Глава 15	60
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Валерий Хайрюзов

Болотное гнездо

(сборник)

Болотное гнездо

Глава 1

Поезд прошел Батарейную, постукивая на стыках, втиснулся в стоявшее на путях казенное стадо грузовых вагонов и, тревожно гукая, по узкой щели стал пробираться к сортировочной станции, от которой до города осталось немного – с остановкой минут тридцать, не больше. Мимо окон потянулись темные, залитые нефтью цистерны, груженные лесом платформы. Худые бетонные столбы отсчитывали последние километры до дома.

Не дождавшись станции, Сергей Рябцов схватил вещмешок, торопливо попрощался со своими попутчиками и пошел к выходу. От городского вокзала до Релки добираться непросто – надо дождаться трамвая, затем пересестись на автобус, далее пешком. От сортировочной тоже пешком, и он решил сойти здесь.

Под усталое наждачное шипение тормозов он спрыгнул с решетчатой подножки, еще раз махнул вагону и мимо сидящих вдоль перрона старушек, вынесших к поездам цветы, помидоры, огурцы, морковь и прочую огородную мелочь, зашагал к вокзалу. Поймав на себе любопытные взгляды, Сергей приподнял подбородок, как говорил ротный, «поставил нос до горизонту», напряжился ноги, и мокрый асфальт тотчас же отозвался отрывистым стуком металлических подковок.

Вокзальчик был тот же: маленький, с облупленными кирпичными стенами, тесным залом, деревянными скамейками, крохотным, похожим на амбразуру, окошком кассы и все тем же написанным местным маляром табло с расписанием поездов.

Скользнув взглядом по сидящим на скамейках пассажирам и не отыскав знакомых лиц, Сергей пересек зал, толкнул дверь и очутился на привокзальной площади. И тут ноги сами собой повернули вправо. Чтобы попасть на Релку, нужно было подняться на виадук и перейти на другую сторону над округлыми спинами вагонов. Стукаясь буферами, они дробно, точно выбивая металлическую чечетку, куда-то двигались, вновь останавливались. Сотрясая вечерний воздух, осипшими голосами переговаривались диспетчеры. Сергею почудилось – это перекикиваются между собой попавшие в западню вагоны. Пахло обязательным для всех станций и вокзалов мазутом, углем и еще чем-то особым, дорожным, отчего ему становилось всегда тревожно и неуютно на душе. Но сейчас эти запахи лишь напомнили ему, что служба в армии, Афганистан, госпиталь – все позади. Это уже не сон – он дома.

Деревянный настил виадука оборвался прямо над серыми шиферными крышами и прокопченными домами железнодорожного поселка, отполированные до блеска железные уголки ступенек побежали вниз, где вдоль улицы желтым ровным пламенем горели осенние тополя. Сергей на секунду задержался на верхней ступеньке, глянул вверх тополей. Там, за болотистой низиной, уже была видна Релка.

«Вон за Ангарой монастырь, – очутившись впервые с Сергеем на виадуке, показывал рукой отец, – от него смотря вниз, видишь озеро. Вон черная крыша торчит – это Брюхины. Рядом наш дом».

«Ага, вижу», – уставившись глазами в забор мебельной фабрики, тянул шею Сергей. Говорил, чтоб не обидеть отца, потому как свой дом он увидел через несколько лет, когда подрос и высокий забор фабрики уже не был ему помехой.

Уткнувшись тупым носом в Ангари, почти со всех сторон подпертая водой, перед ним лежала пойма Иркуты. Утыканная закопченными кирпичными постройками, прошитая белыми нитками бетонных заборов, опутанная проводами, изрытая канавами, заваленная насыпями, надрезанная железнодорожными тупиками и мокрым полотном асфальтовой дороги, по бокам которой в низкое вечернее небо отрешенно смотрели крохотные, заросшие камышом озерки, болотистая пойма чем-то напоминала перегруженную, полузатонувшую баржу, которую первой же большой водой должно было унести вниз по течению.

Он отыскал тонкий шпиль Знаменского монастыря, от него взглядом опустился до озера, на краю которого под серой шиферной крышей все так же наособицу стоял дом Брюхиных, чуть левее разглядел свой дом. Все было на месте, как и два года назад, когда он уходил в армию, и, пожалуй, мало что изменилось с тех пор, когда он впервые отсюда увидел Релку. И сейчас ему для полного счастья не хватало одного – отца с матерью. «Эх, были бы они живы», – с неожиданной болью подумал он. Даже если бы он не приехал на поезде, а прилетел на самолете или приплыл на пароходе, все равно вначале пошел бы именно сюда и, будь сейчас у него крылья, полетел бы прямо над этой намокшей, бесприютной низиной, да что там полетел, пополз бы на животе к родному дому; во всем мире не было земли роднее, чем эта, где тысячу раз все было выхожено, потрогано, проверено.

В доме после окончания летного училища жил старший брат Петр. Но в последнем письме брат сообщил, что ему дали квартиру и он должен вскоре переехать в город.

Конечно, можно было сразу же к брату, но Сергей не знал адреса. Его надо было взять у бабки Марьи, которая жила на Релке через дорогу.

Спустившись с виадука, Сергей пошел вдоль железнодорожной ветки, затем, когда она завернула к элеватору, пересек широкую асфальтовую дорогу и по узенькой тропинке двинулся к поселку. Стараясь не запачкать сапог, он перескакивал с кочки на кочку. Кое-где на топкие места были набросаны доски, отслужившие свое баллоны, тазы, кирпичи, ведра. Чтоб не свалиться в грязь и не запнуться, нужны были особое умение и сноровка – привычным к асфальту, да еще на ночь глядя, сюда нечего было и соваться. Глаза находили, подсказывали твердую опору, он прыгал, тут же находил следующую – не дорога, а полоса препятствий, знакомая с детства.

Где-то рушились и создавались государства, строились города и дороги, взлетали в космос корабли – только дорога от станции к Релке была такой же, как и пять, и десять лет назад.

Глава 2

В детстве для Сергея не существовало вопроса: хорошее место Релка или плохое. Ясно как день – лучшее на земле. Лишь немного позже, когда шагнул за окружавшее ее болото, он понял: есть много мест, которые, наверное, гораздо лучше и приспособленнее для жизни, чем их поселок. Но вместе с тем понял и другое: своих родителей, друзей детства, как и место рождения, не выбирают. Тот, кто первым поселился здесь, был лишен выбора, лучшие места в округе были заняты, скорее всего, страх и великая нужда загнали их в эту болотину.

Прорвавшись сквозь отроги Саянских гор, уже на ровном просторном месте Иркут начал куролесить, петлять, менять свое русло и напоследок, ободрав бок Кайской горе, полез обниматься с холодной, знавшей себе цену, Ангарой. Пустить-то она в свое ложе пустила, но еще многие километры бежали порознь, держась своей стороны – слева мутный Иркут, рядом темно-синяя Ангара.

В устье Иркуты, на пологом холме, стоял Иннокентьевский монастырь, белая высокая колокольня которого сторожила эту обширную низину.

Через монастырь проходил Московский тракт. Разбежавшись с горки, тракт прошивал длинную, в одну улицу, известную своей разбойной славой деревню Барабу, на выходе перепрыгивал через деревянный мостик и пылил дальше в сторону города.

Справа от мостика, за маленьким озерком, начинались Релки. На ровных, мало-мальски пригодных для жилья сухих пригорках без всякого плана лепились десятка два сколоченных наспех, иногда за ночь, завалюх. Селились здесь в основном те, кто был не в ладах с законом, кому податься некуда, а за болотами да озерами власти не вдруг достанут. Проехать сюда свободно можно было разве что зимой. Летом вокруг Релок болотная топь, комарье, поросшие камышом старицы, заросли боярышника, дикой яблони, тальника.

От железной дороги к Барабе протоптана тропа, но по ней ходили редко, да и то днем. Все скрыто от глаза – кусты, буераки, мокрый кочкарник. Встретит лихой человек – кричи не докричишься.

Деление на Релку и Барабу в общем-то условное, понятное тем, кто живет вдоль тракта или за болотом. Для остального мира все, что умещалось между монастырем и городом, считалось Барабой. Одни, и не без основания, связывали это со словом грабить, другие, более просвещенные, склонны были считать, что название пошло от Барабинских степей, мол, те же озера и болота, та же широта и простор.

Насаженная на тракт, как шашлык, Бараба была чем-то вроде фасада. Релки – задворки, забытое Богом место. О том, что здесь живут люди, вспоминали, когда подходило время службы в армии, да раз в год добирался налоговый инспектор. Иногда, чаще всего чтобы поставить последний диагноз, привозили на лошади фельдшера, доктора сюда не дозовешься – не та клиентура, к нему надо ехать самому.

Раньше устье было заповедной зоной, сюда наезжал поохотиться на уток генерал-губернатор, но после революции генералов развелось – плюнуть некуда. Весной вокруг Релок на узких, заросших травой озерцах и старицах с утра раздавался ружейный грохот. Тучей поднимались в воздух чирки, дикие утки, бекасы и без крика падали, забивались в осоку подранки, лишь изредка меж выстрелами доносился предсмертный всхлип лебедя-кликун. Где-то к вечеру, распугивая кур, шаркая тяжелыми болотными сапогами, под злобный собачий лай, с сумками, забитыми до отказа дичью, выползали к тракту подвыпившие большие и малые начальники губернской милиции, городской управы и другие чиновники новой власти. Поселок косыми взглядами провожал их, чтоб тотчас погрузиться в свою привычную болотную дремоту.

В конце мая поросшая кустарником низина покрывалась табачного цвета дымком – то начинали проклевываться листочки. Через несколько дней вся ширь белоснежно, свадебно кипела, колыхалась от ветерка, в сторону города плыл медовый запах. В такие дни низина с колокольни Иннокентьевского монастыря казалась сказочным Эдемом. До сентября держалась зелень, летали майские жуки, пели птицы, порхали бабочки, стрекозы, потом, как по команде, пойма вспыхивала праздничным костром, но горела недолго, под осенними дождями опадал лист, жухла трава, и все возвращалось на круги своя; вновь напоминала о себе грязь, слякоть, хлюпающая под ногами вода. Как избавления ждали зиму, первых холодов.

Глава 3

Сережкин отец Николай Рябцов попал на Релки в начале тридцатых годов. А до того жил в небольшой деревушке Харчей. Как и все деревенские ребяташки, ходил в школу, бегал на охоту, рыбачил. Не думал и не гадал, что вскоре окажется далеко от дома.

Вначале в деревню пришла коллективизация, а за нею голод. Каждый справлялся с бедой как мог, ели лебеду, крапиву, варили очистки и все, чем можно было набить живот. В семье Рябцовых было девять душ: двоих, самых слабых, вскоре отнесли на погост.

Николай был старшим. Прибежав из школы и справив работу по хозяйству, уходил в лес, собирал грибы, ягоды. Однажды взял с собой девятилетнего братишку Леньку. Возвращаясь домой, шли напрямик через убранные колхозные поля. Братишка начал собирать оставшиеся колоски, набрал целую охапку. И тут их застукал бригадир. Ребята бросились бежать. Размахивая бичом, тот с криком поскакал за ними. Ослабевший от голодухи Ленька быстро запарился, начал отставать. Чувствуя спиной лошадиный дух, Колька пропустил брата вперед, толкнул в канаву и упал следом, прикрыв его собой. Озверевший бригадир стал полосовать его бичом. Подняться сам Колька уже не смог. Когда бригадир уехал, братишка выполз из канавы, сбегал в деревню за матерью. Домой Кольку привезли на телеге. Мать, плача, ругала всех на свете, больше всего доставалось мужу, который с кинопередвижкой кочевал по району, агитировал вступать в колхозы.

Дня через два Ленька высадил бригадиру стекла, а на другой день в село приехал милиционер. Мать, когда узнала, побелела лицом, опустилась на лавку, но тут же заметалась по избе, подняла Кольку с кровати и увела к соседке в баню. Через час принесла туда наспех собранную одежду, краюху хлеба.

– Поезжай в город к Марье, – шепотом говорила она, – писем пока не пиши, после Покрова вернется отец, приедет к тебе.

Так оборвалось его детство. Уезжать из дома не хотелось, но деваться некуда – пожалуй, и правда загребут. Ну что ж, к Марье так к Марье, больше не к кому.

Марья слыла первой деревенской красавицей, кружила головы не только парням, но и женатым мужикам. Ей не было еще шестнадцати, когда выскочила замуж за красного командира Михаила Бутакова, не повезло, тот вскоре погиб на КВЖД. Недолго убивалась по мужу молодая вдова. В деревню приехал поп, борода смоляная, волосы кудрявые. Зачастила Марья в церковь, говорила: ставить свечи за упокой раба божьего Михаила. Но однажды в темный осенний вечер увидели, как, прикрыв платком лицо, шмыгнула Марья в поповский дом. На другой день Колька поймал в силки воробьев, зашел в церковь. Шла вечерняя служба. Марья отмаливала грехи, клала поклоны. Колька подкрался сзади и выпустил воробья тетке под юбку. Будто подброшенная дьявольской силой взлетела Марья над верующими, взревев, заметалась по церкви и, чуть не выбив у батюшки кадило, кинулась вон.

Батюшка прервал службу. Такого скандала в церкви деревня не помнила. Колька, можно сказать, отделался легко, отец выпорол его вожжами и на том неприятности для него закончились. А для Марьи только начались. От пересудов она бежала в город.

Колька попросил мать, чтобы принесла балалайку. Вспомнил, любила тетка слушать его. Ночью пешком ушел на станцию, а утром сел на проходящий поезд.

Его обокрали перед самым городом, когда, миновав Батарейную, поезд подходил к Иннокентьевской; прихватив свои чемоданы, узлы, пассажиры потянулись к выходу. Те, кто ехал дальше, прилипли к окну. Рядом с железной дорогой расположился цирк «Шапито». Оказалось, фокусы умеют показывать не только в цирке. Всего одну минуту смотрел Колька в окно, но этого оказалось достаточно, чтобы пропал его мешок. Натыкаясь на пассажиров, он заметался по вагону, затем, ошалеv от свалившейся беды, выскочил на перрон. Мешок будто

испарился. Поезд ушел, он остался стоять с балалайкой в руке и пришел в такое расстройство, что забыл, куда ехал и зачем. Ему захотелось обратно в деревню к матери. Наверное, он бы вернулся, будь деньги на обратный билет. Зажав балалайку меж ног, он сел на скамейку и заплакался.

Его будут обворовывать потом не раз, будут потери и пострашнее, будут рождаться и умирать дети, на фронте – гибнуть рядом товарищи, и в конце концов отнимут и саму жизнь, но это будет позже. А в тот момент не было человека несчастнее его.

От попутчиков, таких же горемык, как и он сам, Колька узнал: неподалеку от Иннокентьевского монастыря началось строительство мелькомбината, и он намеревался податься туда. Но кто теперь возьмет его без документов?

Марья жила километрах в шести от станции на Релке.

– Дойдешь до Скита, перейдешь через линию и по тропке топай до развилки. Дальше держи правее Иннокентьевского монастыря, – тыкая метлой, напутствовал его подошедший дворник. – Если не утонешь в болоте, часа через два дойдешь.

Минут через тридцать железная дорога вывела его на просторную заболоченную низину. Прошив ее насквозь у самого горизонта, точно в игольное ушко, дорога уползла в темное отверстие железнодорожного моста. Чуть левее виднелся город.

Серый, дымный – совсем не таким он видал его на фотографии, которая висела в избе-читальне. Рядом в лесочке глухо ударил колокол. Колька вздрогнул, пошарил по сторонам глазами. Справа, метрах в ста за озерком в лесочке, разглядел маковку деревянной церквушки.

Как петух на зорьке, еще не прочистив горло, колокол брякнул и, словно испугавшись самого себя, замолк. Затем, услышав солидный и мощный бас колокола Иннокентьевского монастыря, точно заторопился ему вслед и, уже не стесняясь, забил изо всех сил. Казалось, еще немного, и он расколется или, пуще того, выпрыгнет из своей деревянной одежки. Но сухой отрывистый голосок сделал свое дело – разбуженно, на всю округу, печально и торжественно выводил державную песню Иннокентьевский.

Колька знал, Иннокентьевский был мужским монастырем, и он стал искать женский, который, по словам тетки, находился неподалеку, на противоположном берегу Ангары.

Он еще не знал, что слышит колокола Иннокентьевского последний раз. Вскоре опальным колоколам вырвут языки и, при большом стечении ропщущего народа, сбросят на землю. Ночью тайком поднимут с двухметровой глубины, разобьют на куски и, сгрузив на телеги, отправят переплавлять в город на завод.

Впереди Кольки в опрятной городской одежде шла женщина, семенила тонкими птичьими ножками. Она несла увязанные стопкой книги. Заслышав колокольный звон, поставила книги на землю; упала на колени и, крестясь, начала класть поклоны в сторону Иннокентьевского.

Вблизи она оказалась гораздо старше, почти старухой. Колька хотел было обойти ее, но, поколебавшись, решил спросить, правильно ли идет.

– Туда, туда, – заправляя под платок волосы, быстро ответила старушка. – Держись только левой руки, справа болотина, утонешь. – Вскинув сухую руку, она положила на себя крест. – Ты зриши, всемиловитая, немощи наши, озлобление наше, нужду, потребу нашу, услышь нас и не лиши нас помощи твоей державныя. Рассеянных собери, заблудших на путь правый наставь, старость поддержи, воздвигни нас из глубины греховныя...

– Давайте я вам помогу, – подождав, когда бабка закончит молитву, предложил Колька.

Она испытующе глянула на него, заколебалась, но Колька, не дожидаясь согласия, взял книги, протянул старухе балалайку, чтоб не думала, что сбежит.

«Прохлопал свое, теперь неси чужое», – увидев, сказал бы сейчас отец.

Позже, разгадав его, люди будут пользоваться этим. Но никогда он не роптал, делал за себя и за других, хотя редко получал благодарность, даже наоборот, злились, называли дурачком, а он посмеивался: «Кто умеет – делает, кто не умеет – языком треплет».

Когда до ближайших домов осталось метров сто, дорогу преградило узкое, наполовину пересохшее озеро. Старушка пошла в обход, Колька же решил сократить путь и рванул на другую сторону по кочкам. Уже у самого берега нога соскользнула, и он, хватая зеленую болотную ряску, провалился в холодную жижу. По инерции дернулся разок-другой и, чувствуя, что проваливается все глубже и глубже, испугался.

– Бабуся, бабуся, помоги, провалился я!

Старушка мелкими шажками обежала болотину, у крайнего забора подняла с земли жердь, волоком подтащила к берегу и, обдавая жирными брызгами, стала пихать ее Кольке. Он схватил жердину одной рукой, а другой взгромоздил на нее книги. Старушка поднатужилась, потащила его к себе.

На берегу Колька стал счищать щепками с одежды жирную, налипшую толстым слоем грязь. Когда дошел до ног, вспомнил: на нем были сапоги. Он хотел броситься обратно, но старушка крепкими пальцами схватила его за рукав и показала глазами на выпрыгивающие из черной жижи пузыри, тихо сказала:

– Смотри, во второй раз не отпустит.

И Колька, напуганный даже не смыслом сказанного, а тем, как это было произнесено, дрогнул. Хоть и жаль сапоги, но себя жалче.

Так и пошли они по улице. Впереди бабка с балалайкой, за ней, загребая пыль грязными штанинами, босой Колька. Если бы сейчас встретила тетка Марья, да что там она – родная мать не узнала бы его.

Старушка привела к себе, налила в таз воды, он снял штаны, вымыл пахнувшие болотом ноги, затем вышел во двор, сел на истыканную колуном чурку и стал смотреть на распоротый угол дома: из прорехи до самой завалинки высыпалась земля, на крытую драньем крышу, на старуху, уже вовсю хлопотавшую по хозяйству. Чуть наискосок, за крохотным огородиком, из кустов темными окнами на него исподлюбья смотрел обнесенный крепким тесовым забором бревенчатый дом.

– Бабуля, а где Марья Коршунова живет? – спросил он.

– Марья? Так она напротив.

– А это чей дом? – Колька показал большим пальцем через плечо.

– Этот? – старушка выпрямилась, проследила за Колькиной рукой. – Это Евсея Мартыновича Брюхина, хозяина и благодетеля нашего, – уже другим, церковным голосом, перекрестившись, ответила она.

Глава 4

Вечером, зажав под мышкой балалайку, Колька пошел к Марье.

– Дураков и в алтаре бьют, – выслушав его, совсем не зло сказала она. – Придет Коршунов, подумаем, что с тобой делать. – И, улыбнувшись одними глазами, добавила: – Коли принес балалайку, играй, артист из погорелого театра.

Обрадовавшись, что Марья не помнит зла, Колька не заставил себя долго упрашивать, ударил по струнам и запел свою коронную:

Ты Подгорна, ты Подгорна, широкая улица.
По тебе никто не ходит, ни петух, ни курица.
Если курица пойдет – то петух с ума сойдет...

В городской, непривычной для Колькиного взгляда одежде тетка выглядела моложе, чем в деревне. В чем причина, он понял позже: теперь Марья молилась не на попа, а на механика с аэродрома.

Федор Коршунов – высокий, под потолок, молодой парень, поскрипывая хромовыми, собранными в гармошку сапогами, внимательно оглядел Кольку с головы до ног. Колька тут же выпятил грудь, ему захотелось выглядеть постарше, посолиднее.

Врастяжку, точно вытягивая из себя клещами каждое слово, Коршунов сказал, что так и быть, поговорит с начальством. Через пару дней он взял его на аэродром, там выдали форменную фуражку, поношенные сапоги и назначили аэродромным рабочим. В его обязанности входило мыть полы, подметать стоянки, убирать мусор. Чтобы не зависеть от своенравной тетки, жить он стал у монашки. Приглянулся он ей, за что ни возьмется – все ладится. И дров наколет, и печь затопит, а уж на балалайке начнет играть, так ноги сами в пляс просятся. Не квартирант – находка.

Вскоре Николай познакомился со своим одноклассником и соседом Ленкой Брюхиным, крепким конопатым детиной. Тот, как и Рябцов, числился аэродромным рабочим, но Кольке до Ленки – как до луны. На Брюхине был форменный китель с медными пуговицами, на которых были выдавлены крылышки, слева на кармане прицеплен значок Осоавиахима. Вот форменную фуражку он почему-то не любил, носил шитую на заказ, в крупную клетку, модную кепку, из-под которой выпирал рыжий густой чуб.

Освоившись на Релке, Колька решил съездить домой, попроведовать отца с матерью. Купил новую рубаху, начистил форменные пуговицы на кителе, намазал дегтем сапоги, купил билет на поезд и поехал.

За ним пришли ночью, бригадир и еще двое хмурых мужиков, и до приезда милиции посадили в амбар. К утру младшие Колькины братья сделали под стену подкоп. Ободрав о бревно спину, он выполз на волю и, держась подальше от дорог, по тайге ушел к железной дороге. В пассажирский сесть побоялся, вскочил на товарняк, размазывая по щекам, вперемежку с угольной пылью, слезы, покатыл обратно в город.

На сортировочной спрыгнул на ходу с поезда и, хоронясь в кустах, пробрался к Релке. Пока было светло, сидел в боярышнике, и лишь когда стемнело, заполз к бабке Наде в огород, спрятавшись в картофельной ботве.

Вечером, когда она вышла во двор, негромко окликнул ее. Баба Надя начала было причитать, но Колька приложил палец к губам, старушка молча выслушала его и ушла к Брюхиным.

На другой день Колька с попутным обозом шел в Качуг. За подкладкой фуражки лежала записка в Бодайбо к уполномоченному по заготовкам пушнины Рыхальскому. В ней Евсей Мартынович просил пристроить Николая.

В Качуге Колька попросился на баржу, которая шла вниз по Лене. Если бы не балалайка, пожалуй, не взяли бы его. Но своей игрой растопил он матросские души. Добравшись до Усть-Кута, баржа стала под загрузку, а Николая передали другой команде. Через месяц, голодный и оборванный, ступил он наконец на бодайбинскую землю, разыскал Рыхальского. Тот прочитал записку и отправил к горному инженеру Галееву. Инженер выслушал его, спросил, что он умеет делать.

Колька достал свою палочку-выручалочку балалайку, ударил по струнам. И здесь сработало. Галеев оказался большой любитель народных инструментов. Первое время держал он Кольку при себе посыльным, а весной оформил разнорабочим, бить шурфы у старателей. И полетело времечко: длинный-предлинный день и короткая, одно мгновение, ночь. Едва хватало сил дойти до нар. Тут уж было не до балалайки. О ней напомнил сын Галеева Аркашка. Отец взял сына с собой на участок, и тот, от нечего делать, слонялся по баракам. Он-то и наткнулся на нее. И Николай, вспомнив своих братьев, стал по вечерам обучать его игре на балалайке. А в свободные дни брал мальчишку в тайгу, показывал, как надо ставить силки, учил разгадывать следы. Привязался мальчишка к Николаю – без него ни шагу. Раз два Галеев на праздники брал Рябцова в Бодайбо, показывал балалаечника гостям. Тут уж Колька выкладывался от души.

А следующей весной в Бодайбо объявился Ленька, привез новости: в его отсутствие на Релку приезжал участковый, искал Рябцова. От известия засосало у Николая под ложечкой. Подумалось, захотят, найдут и здесь, куда бежать дальше – некуда.

– Не бойся, никто не знает, где ты, – шуря глаза, говорил Брюхин. – Будем вместе работать, меня Галеев ночным дежурным по участку взял.

– Шнырем? – воскликнул Колька. – Сразу в начальники.

– А ты как думал? Аркадий Халипович кого попало не возьмет. Он наш мужик – барабинский.

К зиме старатели начинали разъезжаться по домам. Николай оставался на участке заготавливать дрова на следующий сезон, а заодно охотился, сдавал пушнину и мясо Рыхальскому. Расчет за него получал Ленька.

Колька довольствовался тем, что сыт, одет, есть крыша над головой. Нетребовательный к себе, покладистый, он устраивал всех: Галеева и Рыхальского, не говоря уже о Брюхине.

Однажды Ленька остался на зимовку вместе с Рябцовым.

«И чего это он, – размышлял про себя Николай. – Ну, мне ладно, отсидеться надо. А ему зачем? Сидел бы дома в тепле, спал на простынях, как белый человек».

В начале ноября Ленька вызвался сходить на прииск за керосином. Взял собаку и ушел. Ночью собака прибежала обратно. Утром Николай пошел по следу, нашел Леньку совсем в стороне от прииска, в пятнадцати километрах от участка с вывихнутой ногой, еле живого.

– Не бросай... – прохрипел Ленька, увидев Николая. – Хотел напрямик и блуданул. Попал в наледь, ногу подвихнул.

«Кого ты, Шнырь, собрался обмануть? – подумал Николай. – Скорее всего хотел обойти милицкий пост, пронести и перепрятать золотишко. Дурак! Зимняя тайга стережет лучше любой охраны и милиции».

Взвалив на себя приятеля, Николай попер его обратно на участок. Почти месяц отхаживал Леньку, отпаивал разными отварами, можно сказать, вытащил с того света, но тайга зарубку свою оставила. С той поры охромел Брюхин, при ходьбе стал припадать на ногу.

Пока были в Бодайбо, Брюхин заискивал перед Николаем, но, едва вернулись на Релку, все стало на прежнее место: Ленька – барин, Колька – слуга. «Рябой – фартовый парень, – шуря желтые, как у совы, глаза, говорил он дома. – Его, как хорошую собаку, надо рядом держать».

Такая, с позволения сказать, дружба продолжалась недолго, на одной из вечеринок встретил Колька Зуеву Наталью, приехавшую из деревни на Барабу. Увидев черные смолистые косы,

Колька понял: пропал, втрескался, как говорили в деревне, по уши. В тот вечер он превзошел себя: пел, плясал, не выпуская из рук балалайки. Приглянулся он и Наталье. Все бы ничего, да на Наталью положил глаз Ленька.

Меня сватал конопатый,
А рябой на перебой.
Я рябому отказала,
Конопатый будет мой,

– задираясь, пела Наталья.
Колька не оставался в долгу:

– Моя милка маленька,
Чуть побольше валенка.
В лапотки обуется,
Как пузырь надуется.

Кончился вечер тем, что Наталья начала сдаваться:

– Девки спорили в соборе,
У кого оборка доле.
Доле, доле у меня,
Полюблю Николку я.

Набычившись, Ленька подошел к Николаю, выхватил балалайку и – хрясь об колено. Николай не стерпел, закрутил пьяному Леньке руку за спину, вывел на крыльцо и пустил головой в сугроб. С тех пор между ними кошка пробежала, встретятся: у Брюхина глаза, как у быка, нальются кровью, пройдет мимо, голову в сторону, до хруста в шейных позвонках. А когда привел Николай Наталью к монашке в дом, так и вовсе объявил войну. Рябцов посмеивался. Но не уступил, когда Брюхины внаглую оттяпали пол-огорода. Николай вытащил столбы и поставил на прежнее место. Брюхины ночью вновь передвинули столбы, и, когда Николай начал восстанавливать демаркационную линию, старик Брюхин набросился на него с топором. Николай колом выбил топор, тот в дом за ружьем. Ленька вырвал у отца ружье.

– Че, хочешь, чтоб обратно в деревню отправили? – запальчиво крикнул он Николаю. – Могу пособить.

– А ты хочешь, чтоб я тебе другую ногу переломал, – отпарировал Рябцов. – Смотри.

– Пусть живет, – сказал Ленька. – Ты что, батя, из-за этого лаптя захотел срок схлопотать? Подождем маленько. Не уйдет он от меня, помяни мое слово.

Как-то поздней осенью возвращался Николай домой берегом Ангары. На самом безлюдном месте догнали его на лошадях и чуть не смяли. Бросился Николай с обрыва в воду. Его подхватило и понесло по течению. Несколько раз он подплывал к берегу, но не за что было ухватиться, между водой и твердой землей стоял лед. Кормить бы ему рыб, да слышала крик татарка Гульнара Ханова. Она ходила на Ангару по воду. У Николая уже не было сил, хорошо Ангара в том месте делала поворот, и его тащило рядом с берегом. Крючком от коромысла подхватила Гульнара утопленника за хлястик и вытащила на берег.

Когда началась война, Николай ушел на фронт; Леньку, по причине хромоты, в армию не взяли, и он вскорости уехал в Бодайбо. В конце войны за какие-то махинации ему дали срок, но после смерти Сталина была большая амнистия, он вышел на свободу и женился на

красивой, похожей на цыганку, буфетчице с железнодорожного вокзала, взял ее с ребенком, с маленькой девочкой.

Николай Рябцов, демобилизовавшись из армии, снес монашкину избушку, и всей улицей, как говорили, помочью, построили большой засыпной дом с тремя окнами на дорогу. Уже в нем появились на свет Петр, затем Людмила, а в начале шестидесятых, как смеялись в доме, родился поскребыш – Сергей.

Принимала его Марья. Произошло это ночью. Когда у Натальи начались схватки, Николай побежал на мельницу за «скорой», но, как на грех, перед этим прошли дожди, и на Релку проехать было невозможно. Пока «скорая» крутилась на Барабе, пока добрались до дома, все свершилось. Марье пришлось принимать еще одного, – к утру наконец-то (после нескольких выкидышей) разродилась жена Брюхина – Клара.

К тому времени Релка расширилась, ей стало тесно на сухих пригорках. Образуя новые улочки и переулки, она, горбясь, начала теснить кустарник, мало того, безрассудно полезла в болото и, увязнув чуть ли не по ставни, вылезла к тракту. Строили в основном засыпушки из обзола, но кое-кто ухитрялся из бревен; со стороны улицы забор, сбоку навесы, бани, на задах стайки – почти у каждого завелась скотина. Пережив страшную войну, солдаты-победители здесь, под боком у города, пытались обмануть судьбу. Вопреки грабительским налогам, всевозможным запретам и стесненности, и даже вопреки здравому смыслу старались устроить свою жизнь так, как жили в деревнях их отцы и деды.

Ранными летними утрами раздавался звук пастушьего рожка, люди выгоняли скотину за ворота. Выгнав пастуху коров, бабы с ношами, в которые входило по четыре, а иногда и по шесть четвертей, шли кто на железнодорожный вокзал, кто в город на базар продавать молоко, чтобы на вырученные деньги купить хлеб, сахар, соль. Релка так и не заимела ни собственного магазина, ни больницы, ни клуба – все это находилось за Барабой возле мелькомбината, в подвалах и домах, которые остались от взорванного Иннокентьевского монастыря.

В конце пятидесятых годов запретили держать скотину. Порезали, пораспродали люди коров, и вместе с ними ушла с улиц радость. С той поры поселок медленно, но верно начал умирать. Все чаще на улицах попадались пьяные, то и дело вспыхивали драки. Одурев от водки, мужики, в бессилии что-либо исправить, гоняли баб, ребятишек, срывали на них злобу.

С тех пор поселок стал вроде пересыльного пункта. Переезжали сюда ненадолго, чтоб через год-другой перебраться в город. Для себя Релка ничего не оставляла, держалась на стариках. Молодые уходили на Барабу или на станцию и бесследно растворялись в людском море.

Один раз улицу пробовали благоустроить, пригнали трактор, но он застрял в первом же болоте. Пригнали другой – провалился и он. Выручили военные, в поселок пробились тягачи. Солдаты навели гать, пропахали канавы, содрали с дороги траву. Вскоре канавы засыпали золой и мусором, а тут прошел слух: вот-вот начнут строить мост через Ангару, и все стали молить Бога, чтоб прошел мост через Релку. Расчет был прост: начнется строительство, снесут дома, дадут квартиры. Но обошли проектировщики Релку стороной, в двух километрах построили мост, от него в сторону Ново-Ленино отсыпали дорогу. И сразу же поднялась почвенная вода, начало топить огороды, подполья. Те, кому было суждено жить и умирать на Релках, сопротивлялись новой беде, как могли: завозили на улицу гравий, шлак, опилки, обсыпали дома, поднимали огороды, но болото все с той же равнодушной ненасытностью заглатывало подсыпку, и со стороны казалось, поселок топит в болоте себя сам.

Дома, что неосмотрительно залезли в болото, понемногу уходили в трясины, огороды пришлось забросить, только поваленные трясла да торчащие во все стороны столбики напоминали о том, что здесь когда-то было жилье. Зимой все сравнивал снег, редко кто выглядывал на улицу, в основном сидели по домам – появился телевизор, и можно было прямо из дома смотреть на другую, красивую жизнь. Летом становилось полегче, повеселее. Оживала, выползала на улицу ребятня, купалась тут же между домов в наполненных дождевой водой песочных

ямах. Те, кто постарше, шли на озеро Курейка или Иркут. Возвращаясь с речки, шарили по кустам, собирали землянику, кислицу, костянику. Чуть позже, осенью, рвали черемуху, дику яблоню, боярку. У каждого были свои заветные места. Но вскоре и кустарник принялись мять бульдозерами: с одной стороны – садоводы, с другой – строители кожзавода. И Релка, потеряв все, что только можно потерять, смиренно, как брошенная на произвол судьбы старуха, покорно ждала своей кончины.

Глава 5

Не знал Сергей, что идет по той же дороге, по которой когда-то пришел со станции на Релку его отец, по ней же уходил и невредимым вернулся с фронта. Говорят, в жизни многое случается повторно, но известно и другое: если даже повторить чей-то путь, попадешь в свое, предназначенное только тебе, место.

Не одно стремление быстрее попасть домой вытолкнуло его на Сортировочной, но и не осознанное в первый момент желание вернуться домой той же дорогой, по которой два года назад шумной компанией провожали его в армию. Этим он как бы завершал неведомо кем придуманный ритуал, ему он приписывал, что остался жив, а значит, соблюдая его, как бы получал гарантию на будущее. В молодости то, что прошло, – не в счет, главное, что ждет впереди.

Он вдруг поразился тишине: едва сошел с насыпи, она окружила со всех сторон, придавила к земле. Через некоторое время Сергей начал тяготиться ею: он привык – тишина и сумерки таили в себе опасность, казалось, его кто-то пристально рассматривает, решая, что с ним делать дальше.

К своему дому он вышел, когда совсем стемнело. Начал накрапывать дождь, на улице было пусто и неуютно. Дом смотрел темными немymi окнами, холодно и отчужденно, точно знал свою судьбу намного вперед. Сергей попробовал открыть ворота, но они оказались закрытыми изнутри, и тогда он легко, как в детстве, перемахнул через забор и очутился в ограде. Справа шелестела под дождем яблоня-дичка. Сергей выкопал ее и притащил из леса, когда пошел в первый класс, сейчас ей уже стало тесно во дворе. Поднявшись над забором, она одним краем легла на крышу, другим свесилась в огород. Сени были закрыты, но он знал, как открывать их. Засунул пальцы под дверь и потянул вверх. Дверь качнулась и провалилась вовнутрь. Сергей шагнул в темноту, на ощупь нашел дверную ручку, под ней висел круглый замок. Он помнил, ключ обычно лежал сверху, на притолоке. Пошарил – пусто. Сергей потянул пробой, и он вместе с замком вылез наружу. Дверь открылась сама, словно узнала его. Он шагнул через порог, привычно нащупал выключатель. Посреди дома тускло вспыхнула лампочка, осветив насыпанную прямо на пол картошку, старенький комод, круглый стол, табурет, угол дивана, у которого худыми ребрами выпирали наружу пружины.

Сергей поставил на пол вещмешок, присел на табурет.

Сколько раз он мысленно приезжал сюда, входил в двери, просыпался во сне вон на той кровати, которая, поблескивая темной пружиной панцирной сетки, одиноко стояла в углу. Под кроватью разглядел желтую, чем-то напоминавшую пополам разрезанную дыню, балалайку.

И вдруг перед глазами встал другой вечер: лето, открытое окно, а у окна сидит на табуретке отец, и в руках у него бьется балалайка. Было ли так, или он все придумал?..

Сергей решил растопить печь, поджарить картошку, в поезде он жил на пирожках – кончились деньги. И вообще с огнем как-то веселее. А к брату можно будет поехать и завтра.

На заборке висела старая фуфайка. Сергей надел ее и вышел на улицу. Отыскал под навесом с хлябающим топором колун, за сеньями намокшие доски. Он вытащил из середины одну посуше, колуном переломал на короткие палки, занес в дом. На печной задвижке лежал коробок с единственной спичкой. Сергей достал из кармана железнодорожный билет, подложил его под лучины и чиркнул спичку. И вдруг заметил, как резко качнулось в крохотную, готовую вот-вот погаснуть точку, пламя на конце спички.

– А ну, убирайся подобру-поздорову, – вздрогнул он от глухого, точно просеянного сквозь сито, старческого голоса.

Сергей поднял голову. В дверях стоял мужчина, лицо его было в тени, но зато хорошо был виден в руках топор. Сергей положил на плиту коробок, краем глаза поймал лежащую в

углу кочергу, свободной левой рукой, будто нехотя, поднял ее и поправил в топке поленья, хоть надобности такой и не было – спичка погасла, взял, чтоб хоть что-то было в руках,

– Когда входят в дом, то обычно просят разрешения, или, на худой конец, стучатся, – стараясь казаться спокойным, сказал он, не оборачиваясь.

– Вот что, друг сердечный, убирайся. Не доводи до греха, иначе...

– Что иначе? – опросил Сергей.

Он вдруг кожей почувствовал: есть кто-то еще за окном, и не просто сторожит его, а держит на прицеле. Если дернется – прикончит через окно. Не убили там, убьют здесь, в собственном доме. И опаснее был тот, что за окном. «Нужно резким броском в простенок, там выключатель. Свет. Надо погасить свет», – быстро соображал он, чувствуя, как под гимнастеркой, с каждым ударом набирая силу, рвется из груди сердце.

Стоявший в дверях кашлянул, голова его подалась вперед, свет от лампочки упал на лицо. Сергей повернулся и увидел усохшего до прозрачности деда, и в первый миг Сергею показалось: стережет его не человек, а серая, похожая на смерть, тень.

– Кто позволил тебе замки ломать? – тяжело дыша, угрожающе закашляла, зашипела она. – Залазят, как к себе домой.

– К себе, Евсей Мартынович, к себе, – облегченно вздохнул Сергей, признав соседа – деда Брюхина.

Старик перестал кашлять, некоторое время молча смотрел на Сергея, затем приставил топор к порогу.

– Вот незадача, – разочарованно произнес он. – А я слышу: собака залаяла. Пошел, гляжу: замки сорваны. Ну, думаю, жиган в дом забрался. Чего к нам не зашел-то? Не чужие, поди. Петька вчера был, не сказал, что ты приехал, – уже помягче проговорил Брюхин. – Ленька! – еле слышно крикнул он в окно. – Свои здесь, свои.

Притомившись, Брюхин замолчал, и Сергею показалось, дед вышел в сени, оставив в комнате свое глухое тяжелое дыхание.

– Вот как, значат, вернулся, – напомнил о себе старик. – А я слышал, вроде убили тебя.

– Как видите, живой, – усмехнувшись, ответил Сергей. – Да вы что в дверях стоите, проходите, садитесь.

Раньше старика Брюхина Сергей боялся до ужаса. И не только он, вся релская ребятня. Редко кто заходил к ним домой, а так, в основном до ворот. У Брюхиных двор был огорожен глухим забором, во дворе злые кобели, попробуй сунься – разорвут. Но пуще всего боялись страшной молвы, которая тянулась за дедом Евсеем. Когда-то Евсей Мартынович Брюхин жил на Барабе, работал ветеринаром, держал пару резвых рысаков, легкую кошевку, на ней разъезжал по вызовам. Но поговаривали, что попутно, занимался он и другими делами.

Как-то зимним вечером, хватанув для сугреву в трактире стакан водки, возвращался Брюхин домой. На самом конце Барабы догнал женщину. Хоть был и пьян, но все же определил: одета справно – шуба, шапка, в руках увесистый чемоданчик. Давал себе зарок Евсей не следить там, где живешь, но не утерпел, погода как на заказ: снег метет, на дороге пустынно, темно. Разогнал лошадей так, что ветер в ушах запел, и на полном скаку, обгоняя, метнул удавку. Попал! Кошевка подседа на рессорах, привязанная за облучок кожаная бечева, бороздя по краю сиденья, врезалась Брюхину в бок и забилась, задергалась под рукой, ну точь-точь, как ночью на рыбалке, когда, ухватив наживу, рвет лесу таймень. Евсей огрел лошадей плетью, и те понесли кошевку за дома, в темень, к озеру, волоча за собой, как мешок, хрипящую женщину. На льду Брюхин быстро сдернул с женщины шубу, бросил в кошевку чемоданчик, одежду, а тело головой в прорубь.

Утром его растолкал Ленька:

– Батя, а, батя, муфта-то Катькина.

– Что мелешь? – не поняв спросонья, рывкнул Брюхин. – Пошел вон!

– Муфта и шуба, там, в сарае, сеструхины.

Брюхин выскочил во двор, забежал в сарай. Точно, вещи были старшей дочери Катерины.

– Молчи, сукин сын, – прошипел он на трясущегося Ленку. – Молчи!

Ночью баграми вытащили Катерину из проруби. Той же ночью, уже под утро, повесилась жена Брюхина – Федосья. Похоронили мать и дочь рядом на кладбище за Иннокентьевской, в Порт-Артуре, как говорили тогда. Не поспешил Брюхин, заказал каменные надгробья. Все чаще стали видеть его в церкви. Сгорбившись, диковатый, худой, зажигал он свечку, шаркая ногами, ставил ее перед иконой за упокой рабы божьей Екатерины, падал на колени и, крестясь неистово, клал поклоны. А вскоре переселился он с Барабы на Релку, откуда-то из деревни перевез огромный бревенчатый дом, собрал его у монашки на задах огорода, у самого болота. Там и жили особняком от остальной улицы.

Сергей никогда не бывал у Брюхиных, а если и бывал, то не дальше забора.

Как-то весной в городе открылся новый цирк. Увидела ребятня канатоходцев и ну ходить по заборам. Конечно, гоняли их, но попробуй поймай, пока хозяин выскочит со двора – ищи ветра в поле. Облазили все, но оставался неприступным забор Брюхиных.

Первым решился посягнуть на него Сергей – поспорил на десять шалбанов со своим дружкой Гришкой Дохлым. За болотом, на кочках, собрались зрители, на всякий случай подальше от дома, еще спустит пса, но Сергей знал: Брюхиных нет дома, уехали в город, а дед обычно днем спит. В случае чего удрать от него – пара пустяков.

Забравшись на трехметровую высоту, он двинулся в путь. Слева от него по двору, сторожа каждое движение, волоча по натянутой проволоке цепь, шел брюхинский волкодав. Нет, он не лаял, капая слюной, шел молча, вся его свирепая морда выражала холодное нетерпение и ненависть.

Сергей благополучно дошел до середины и тут услышал крики за болотом. Он остановился, развел для равновесия руки, медленно повернул голову и чуть не свалился. Сзади, с внешней стороны забора, за ним, молча, шел дед Брюхин, в руках у него был оплетенный медной проволокой кожаный бич.

Сергей поразился: у деда и у собаки было одно, схожее выражение, разве что у деда не капала слюна.

«Вот так влип, – подумал он. – Там собака, здесь дед, как пить дать, исполосует бичом».

Тело вмиг стало легким, почти невесомым. Позже подобную легкость тела и холодащий озноб он испытал, когда впервые, попав под пули душманов, перебежал через дорогу под защиту бронетранспортера.

Быстро перебирая ногами, как во сне, он побежал вперед по забору и, не удержавшись, прыгнул к Брюхиным во двор прямо на собачью будку. Почти одновременно взвился в воздух волкодав, ухватив его за штанину, но не тут-то было: оставив в собачьих зубах гачу, Сергей оттолкнулся от будки, взлетел по навесу на крышу. Ветер опанул оголенную ногу. Не останавливаясь, добежал до края и сиганул прямо в кусты боярышника, знал – там его не достанут.

С той поры прошло много времени, вон они даже породнились, но чувство страха перед Брюхиным не прошло.

– Так дом-то уже тово, продал Петька дом, – тихо, будто для себя, сообщил Брюхин.

– Как продал, кому? – не понял Сергей.

– Нам продал. Женька женится, а Петьке квартиру выхлопотали, вот и порешили. Мы уже в огороде теплицу строить начали.

Будто обухом своего топора ударил по голове Брюхин. Куда же ему теперь податься? Расстроенный Сергей даже не заметил, как старик вышел из дома.

Нелегко складывались у них отношения с соседями. После смерти отца мать даже сделала предположение, что убийцы – Брюхины, но следствием было установлено, что Леонид

Евсеевич был в то время на севере, а дед уже давно никуда не ездил. И настоящим потрясением было для Сергея письмо брата, в котором он сообщил, что женится на Брюхиной Рите.

«Что ж, когда берут невесту, то вместе с нею берут и приданое, даже если оно такое, как Брюхины, – успокаиваясь, подумал Сергей. – И пусть с ними разбирается Петька. Мне с ними детей не крестить. А с домом как-нибудь решим, прав Евсей Мартынович, теперь мы не чужие».

Глава 6

Вновь стукнула дверь, Сергей обернулся, в дом опасливо заглядывала бабка Марья.

– Баба Мария, заходи! – обрадовавшись, крикнул он. – Это я – Сергей.

– Ой, Сережа! – охнула Марья. – А я смотрю – свет. Петька вчера был, просил поглядеть. Тут на прошлой неделе бичи залезли. А ить картошка осталась – упрут и пропьют. А ты никак с армии вернулся? Вырос-то, вырос! Ни за что бы не узнала. Вот бы мать-то, покойница, поглядела на тебя, – Марья смахнула набежавшую слезу. – Да чего стоим-то, пошли к нам, Федор с работы пришел. Он ить сейчас сторожем на мельнице работает.

На Марье была наброшена стежонка, голова прикрыта темным платком, на ногах резиновые калоши, видно, торопилась.

Сергей стоял молча и силился проглотить подступивший к горлу комок.

– Да пошли, пошли, Федору покажись, – торопила Марья.

– Я чуть позже, печь надо протопить, холодно в доме.

– Ладно, посиди, а я счас бегом, – быстро согласилась бабка.

Но выйти из дома она не успела, в сенях заскрипели половицы и, согнув голову, в дом влез дед Федор. Он глянул на Сергея сверху из-под потолка, оттопыренные уши шевельнулись, дед узнал его.

– С приездом, – будто чугунный шар выкатил он из себя первое слово. – Молодец! Хорошо, видно, служил, – дед разглядел под распахнутой фуфайкой увешанную значками грудь. Затем шагнул к дивану, тронул пружины и осторожно сел, сложился, как складной метр.

– Ну, теперь держись, девчонки проходу не дадут. Красавец, прямо как мой Федор в молодости.

– Баба Мария, перестань, – взмолился Сергей. – Еще загоржусь.

– Хорошо, что приехал, – перевела разговор Марья. – А то тут про тебя разное болтали. Сергей уже знал, что о нем говорили. Он лишь слабо улыбнулся и махнул рукой.

– Узнаю Релку, – сказал он. – Даже если ничего не случилось, так выдумают,

– Верно, Сережа, верно, – поддержала его Марья.

– Есть такая болезнь, есть. Федор в конце войны в плен попал, самолет подбили, так чего я только не выслушала. Мне уж и кавалеров подыскивать стали.

Тут Федор Михайлович многозначительно кашлянул, и Марья, привыкшая чутко улавливать настроение мужа, осеклась. Ох и погонял же ее Федор за этих кавалеров – лучше не вспоминать! Сразу же после возвращения доброхоты донесли ему все, что надо и не надо. И еще от себя добавили. Больше месяца была Марья в бегах, пряталась от мужа по сараям и чердакам, поначалу на Барабе у Хановых, потом перебралась поближе к Рябцовым, пока не простил он ее.

– Ну а как вы, как здоровье? – перевел разговор в другое русло Сергей.

– Ой, Сережа, не спрашивай, – замахала рукой Марья. – Болеем. Федор вон легкими какой год мается. Я его в больницу гоню, а он не идет, Грит, про свою болезнь и так все знаю. Траву ему парю, грит, помогает. Да и как не болеть – кругом болото. В подвале вода, все гниет. И дома, и мы вместе с ними.

– Чего, старая, расплакалась, – перебил ее Федор Михайлович. – Хватит парня разговорами потчевать, марш домой, чай ставь! Мы маненько погода придем.

У Коршуновых было тепло. На кухне шумел самовар, Марья собирала на стол. Резала похожие на крупнокалиберные патроны малосольные огурцы. Пока Сергей мыл руки, Федор Михайлович достал из буфета снаряд калибром еще покрупнее – бутылку «Столичной». Никогда в жизни не выпивавший со взрослыми соседями и родней, Сергей оробел, он вдруг вновь почувствовал себя маленьким Сережкой, которому место на кухне, на улице, в лучшем случае

– под столом. Отворив дверь в прошлую жизнь, он и мерить начал ее прежними детскими мерками.

– Садись, садись, – подталкивал его дед. – Расскажи, как там сейчас наша армия?

Но разговора о службе не получилось, то ли Сергей слабо клянул на эту наживку, то ли дед забыл про свой вопрос. Пропустив пару рюмок, Федор Михайлович обрел дар речи.

– Вот как мы раньше жили? – подняв вверх палец, спрашивал он. – Бедно, но весело. Друг дружке помогали. А сейчас? По телевизору цветному смотрим, что в мире делается. Что, по-твоему, от плохой жизни люди машины покупают, каждый год по курортам ездят? И тряпок – полные шкафы. А раньше? Одна рубашка и рабочая, и выходная. По всем показателям вроде лучше, а копни – хуже. Другая жисть пошла. Все для живота. А человеку насытиться трудно. Зверь – он ведь ест, чтобы насытиться, а человеку все мало. И понять не может сердечный, что ему не хватает. Вот и злобится, себя готов покусать, ну а ближнего и подавно. Отца твоего убили. Свои убили, я скажу. Он мужик справедливый был. Только тот, кто подкараулил его, чихал на справедливость. Эх, Николай, Николай, говорил же: подожди, поедем вместе! Не дождался. Да, если бы я там был, то по стене бы размазал. А сейчас? Все воюем, все куда-то лезем. Социализм на танках повезли. Нужен он им был. Не там воевать надо, а здесь. Своих бандюг расплодилось дальше некуда. Что делается, что делается! – дед Федор покачал головой. – Тащат, воруют, будто так и надо, и никому дела нет. Помню, Лехе Колчаку за пачку чая шесть лет дали. А сейчас – хоть вагон тащи. А газеты считаешь, все хорошо. Когда, Серега, врать перестанут? Я ить вот что думаю. Одна надежда на вас.

– А пьют-то, пьют, особенно молодежь, – подала голос Марья. – Не просыхают. Тут неподалеку «яшки» обосновались, откуда-то с Азербайджана. На железнодорожный тупик вагоны с вином пригнали и на месте торговлю организовали. В любое время, хоть среди ночи, хоть утром приди – продадут сколько душе угодно. Мы сейчас как на проспекте живем, днем и ночью идут и идут туда. И сопляки, и деды. С ведрами, с бидонами, а кто и вовсе с полиэтиленовыми пакетами. Всем наливают.

– Которые прямо на месте упиваются, – подтвердил Федор Михайлович. – Видно, ждать неумоготу.

– И подышают прямо на месте, – добавила Марья. – В болоте тонут, напьются до чертиков и лезут напропалую. Написал Федор в газету, эти торгаши вроде приутихли. Так родственники ваши, Брюхины, решили их заменить. Открыли винную лавку на дому, но уже за двойную цену. Я встретила, говорю: побойтесь Бога. Ленька, знаешь, куда меня послал? Варнак, он и есть варнак. Отродье их все такое.

– Ну, ты не говори, мать, молодой Брюхин, он похитрее, – перебил Марью Федор. – Дед, тот верно – варнак. Раньше запряжет кошевку, удавку под себя и поехал на промысел. А этот сплетет такую – глазами не увидишь, но шею сдавит, будь здоров. Татарину Ахметке с Барабы всю жизнь, считай, поломал.

– Где он сейчас? – спросил Сергей. – Освободили или нет?

– Освободили недавно, – вздохнула бабка Марья.

– Пропадет парень, колется, говорят. Как это называется, Федор?

– Наркотик употребляет, анашу, – по-газетному ответил дед Федор. – На Мельнице киоск грабнули, говорят, его рук дело, валюта понадобилась, это зелье дорого стоит.

– Дорого, – подтвердил Сергей, – жизнями расплачиваются. Я там впервые увидел: смотришь, сидит человек человеком, и вдруг крышка поехала.

– Я вот одного не пойму, как это твой брат Брюхиным в лапы попал? – опросил вдруг Федор Михайлович. – Вроде парень неглупый, а попался.

– Известное дело, окрутили, – утвердительно сказала Марья. – А скорее всего, приворожили.

– Ну, скажешь, приворожили, – поморщился дед Федор. – Все проще. Повертела Ритка задком, а Петька, дело молодое, полез. Думал, в рай попал, а там капкан.

– Ну, ты и срамник! – замахала руками Марья. – Ритка – баба битая, но видная. Порода. Идет по улице – барыня. И не дура.

– Брось, Маруся, хвалить, – махнул на жену дед Федор. – Когда за душой ничего нет, вот и размалевываются, разнаряживаются, интересными хотят показаться.

– Верно, Федя, верно, – согласилась Марья. – Здесь она как-то заболела, желудок расстроился. Я бадан-корень заварила, у нее на другой день все завязалось. И говорит: «Я, тетка Марья, вас отблагодарю, брезенту принесу». Ну, я Федору говорю, заработала брезент, а он мне: тащи, в хозяйстве сгодится. Встретила меня Ритка, сверток протягивает. Гляжу, бутылка коньяка. Уже потом она объяснила, сейчас подарок так называется – презент. Куда нам до теперешней молодежи, – вздохнула Марья. – Культурная Ритка, ничего не скажешь. Петька, он хоть и летчик, так против нее простофиля. Можно сказать, работяга. А посмотри, как с ней сошелся, шляпу купил.

– Ну и здря, – перебил ее Федор. – Когда один приедет, так и зайдет, поговорит. Шляпу купил, так что, сразу же культурный стал? Вот, помню, до войны у нас на аэродроме был летчик Галышев, из старых офицеров – дворянин. Так вот, он без нас за стол не садился. А мы кто – черная кость, – Федор Михайлович сделал паузу, почесал за ухом. – Может, и хорошо, что на Ритке женился, она его сразу в город выволокла. У нас ведь как, перебрался отсюда в город – значит, в люди вышел. А кто тут остался, будто в отход списали, на свалку.

– Помолчал бы ты со своей свалкой, – сердито оборвала его Марья. – В Библии сказано: конец света скоро, а все из-за таких, как ты, безбожников. – И, видно, почувствовав, что малость перегнула палку, уже мягче добавила: – Веру мы потеряли, вернуть ее надо. Вера не Богу нужна – человеку.

– Правильно, раздвоенность сейчас в нас, – захмелевшим голосом поддержал ее Сергей. – А человек раздвоенный перестает понимать себя как целое. Я вот недавно в Москве на Новодевичьем кладбище был. На одной могиле прочитал: «Даром любви священным только избранные правят». Баба Марья, объясни, верно написано?

– Все от Бога. Она или есть, или ее нет, – подхватила Марья. – А сейчас что, посмотришь: кричат, бьют себя в грудь, а сами не знают, куда идут и куда ведут. Ни любви, ни веры. Глаза завязаны, а сил открыть нет. Страшно поглядеть, куда подошли. К пропасти, вот куда.

– Перестань, – остановил жену Федор Михайлович. – Пустая трата времени и энергии. Сие на руку империализму, слышь, старая?

Марья хотела возразить, даже рот открыла, затем, точно ища поддержки, глянула на Сергея и промолчала. Куда ей было со своей Библией до марксистской философии Федора Михайловича.

Дед Федор выписывал почти все газеты, читал их от первой до последней страницы. «Чтоб докопаться до правды, надо все переворачивать на другую сторону, – говорил он. – Вот тут пишут, что сев начали на два дня раньше, чем в прошлом году, в том году писали так же. Я здесь за двадцать лет подсчитал: нынче сев в феврале начали. Если пишут о мафии в Италии, значит, и у нас она появилась».

Раньше к нему приходили все релские мужики, советовались, как построить дом или как выложить печь. Ну а уж паять, лудить, тут ему не было равных. И он никому не отказывал. Также не было на улице равных по части составления разных бумаг. Он писал за всех: в райисполком, в собес, в прокуратуру, милицию. Но народилось новое поколение и появились новые законы, в которых дед Федор так и не сумел разобраться. Брюхиных он не любил, как он сам порою выражался, с классовых позиций.

– Дед Брюхин сказал, Петька продал дом, – вспомнил вдруг Сергей. – Правда это?

– Да, продал, – нехотя откликнулась Марья. – Конечно, это не наше дело, но я на Петькином месте не стала бы продавать. Вашему дому, вернее месту, на котором он стоит, цены нет. Ты посмотри, – Марья выскочила из-за стола, открыла подполье. – Вон она, вода, под всем домом. А у вас воды нет, я смотрела. Дом повыше стоит, вода глубже. И огород суше. Вот Брюхины и зарятся.

– Но говорят, дом-то не наш, – вспомнил Сергей, – вроде бы Брюхиным принадлежал?

– Не Брюхиным, а монашке, – возразил Федор Михайлович. – Вот про нее ничего плохого сказать не могу. Грамотная была, книг у нее – как в библиотеке. Она откуда-то с Расеи. Перед революцией в монастырь пришла, здесь и осела. В молодости красивая была. Вот Евсей и положил на нее глаз. А когда жены не стало, он сюда перебрался, к ней под бок. Она у него что-то вроде домработницы была – и обстирывала, и обшивала. Потом отец с матерью у нее поселились. Я тебе скажу, отец твой сполна заплатил и за дом, и за землю. Огородик-то у нее был махонький. Николай его расширил, у кустов отвоевал. Покорчевал до кровяных мозолей. А Брюхиных он уж покормил. Поедут на охоту, начнут делить, добудут мяса, Николаю – кости. Так что пусть они про это не вспоминают. Если начнут, я такие справки на них наведу – бедными станут. А Петька что, они ему квартиру выхлопотали. Недавно машину купили. Не ему, Ритке. – Федор Михайлович поднял голову. – Да чего это мы все про Брюхиных да Брюхиных, вроде бы не о чем больше говорить. Ты вот Расскажи, как там сейчас наша армия. Ты, я слышал, вроде бы там служил? – подняв палец над головой, согнутым концом он показывал в угол, где у Марьи висели иконы.

– Нет, дед Федор, там я не служил, – рассмеялся Сергей. – Там архангелы служат. – Он на секунду замолчал, глянул на часы. – Поздно уже, пора спать. Про армию в другой раз.

Его оставляли, но он все же пошел к себе домой.

Дождь прекратился. Кое-где, сквозь низкие облака, с северной стороны, знакомо показались звезды, точно спешили сообщить, что они на прежней высоте и на прежнем месте. День на завтра обещал быть хорошим.

Пока он сидел у Коршуновых, печь прогорела, но в доме было тепло, тихо и покойно. Сергей снял сапоги, гимнастерку, постелил под голову фуражку и лег на диван. Но уснуть сразу не смог, ворочался, под ним сухо скрипели пружины. Отыскав удобное для тела положение, Сергей затих. Он попытался разобраться в себе, в том, что услышал и увидел за этот вечер, но попытка оказалась слабой. Он вдруг понял: то, ради чего он ехал и до поры до времени держал глубоко в себе, еще не наступило. Если бы не ночь, он давно был бы у Гришки Дохлого, уж тот наверняка рассказал бы ему об Аньке Галеевой. Из писем он знал, она поступил в медицинский и по-прежнему живет в городе. И что за ней по-прежнему бегают Женька Брюхин.

Глава 7

Первым среди барабинских девчонок ее выделил Гришка, затем начал ухлестывать Женька. Но если говорить честно, то Сергей познакомился с нею раньше всех.

Он возвращался тогда с рыбалки и, чтобы сократить путь, пошел через Барабу. Они ждали его у Курейки, как собаки, расположившись полукругом. Крайним у забора стоял предводитель барабинских – татарин Ахмет-хан. Сергей догадался, собрались бить, место удобное: справа забор, слева озеро, кругом – ни души. Можно было развернуться и дать ходу, но он знал: тогда никогда не ходить ему этой дорогой, даже у самого малого из барабинских появится над ним власть. Он колебался. Вяжущая слабость и подкатившая тошнота поворачивали ноги обратно. Но тут он увидел девчонку. Она сидела на бревне и темными испуганными глазами смотрела на него. Она знала, что сейчас произойдет.

– Лелка идет, Лелка идет! – закричала она и, крутанувшись на бревне, спряталась за него.

Сережка ощутил, как внутри крохотной точкой вспыхнул и начал разгораться огонек, и он, повинувшись ему, пошел прямо, уже не ощущая себя, своего тела, более того, желая, чтобы его задели, зацепили, что будет дальше, он не знал и не хотел знать, кроме одного – только вперед.

Опешив от такой наглости, барабинские пропустили его и ударили сзади. Оглушенный Сергей упал на землю, и тут же со всех сторон его стали пинать, рвать на клочья рубаху, кто-то острыми зубами цапнул за ногу. Но эти удары были не в счет. Навалившись на него скопом, барабинские мешали друг другу. Самым стоящим ударом был первый – Ахмет-хана.

Лежа на земле, Сергей зацепил пальцами пятку Ахмета и подошвой другой ноги ударил в полусогнутое колено, прием этот показал брат. Как вылетает выбитая доска из забора, Ахмет, вскрикнув, отлетел в сторону, но тут же вскочил, схватив попавший под руку кирпич, и, прихрамывая, бросился на Сергея. Прижавшись спиной к забору, Сергей увернулся от кирпича и боковым ударом встретил Ахмета. Налетев на кулак, тот по-щенячьи взвизгнул, хватанул рукой по носу и, поймав пальцами кровь, запрыгал к дому. Следом за ним бросились остальные. Рядом с Сергеем осталась девчонка, она заползла в крапиву и испуганно смотрела на него. Сергей задрал штанину, на икре тонкой струйкой бежала кровь.

– Пливяжи, – она протянула лист подорожника, – я нечаянно. – В глазах девчонки стояли слезы.

– Э, значит, ты цапнула? – увидев на коже следы зубов, догадался Сергей. – Вот сейчас как дам по кумполу. – Помолчав немного, смиростивился: – Вылазь, Бараба, я не кусаюсь.

– Я нечаянно, – повторила девчонка. – И никакая я не Балаба.

Сергей заправил в штаны разорванную рубаху, взял лист подорожника, поплевал на него и прилепил к ранке. Подняв с земли сломанное удилище, улыбнувшись, передразнил:

– Балаба, Балаба, а зубы острые, как пила, – и, прихрамывая, пошел домой.

Девчонку звали Аней, была она младшей дочерью горного инженера из Бодайбо Галеева. Жила в городе, а на каникулы приезжала на Барабу к бабушке Гульнаре Хановой – матери Ахмета.

С барабинскими у релских была постоянная вражда. Бараба – это дорога в город, на Ангару, в клуб, к магазинам, в больницу, на почту, в школу. Как только релские высунутся за свое болото, тут им и прилетит.

– Надо держаться вместе, – прихрамывая к себе на Релку, сказал Сергей обступивший его ребятне. – Ахмет вылавливает поодиночке.

Еще в школе, когда проходили историю Древней Руси, родилась у Сергея эта мысль. Дома попалась ему на глаза потрепанная старинная книга, которая осталась от монашки Нади – «История государства Российского» Карамзина, и он частенько сравнивал то, что им рассказывала на уроках учительница, с тем, что было написано в книге.

Сережку поддержали: каждый испытал на себе козни барабинских. Тогда же, на бревнах, создали релские «войско». В него вошли: первая и вторая Релки, Нахаловка, Песочные Ямы. Главнокомандующим предложили Сергея Рябцова, но тут предъявил свои претензии Женька Брюхин. Решили голосовать. Мнения разделились. Решающее слово в его пользу, чего Сергей не ожидал, оказалось за Гришкой Дохлым. Обычно он был заодно с Брюхиным.

Приезд Дохлых на Релку запомнился всем. Худой, вечно кашляющий мужчина прибыл сюда на лошади. На Песочных Ямах, там, где еще можно было найти свободное место, выкопали землянку. Помогала ему вертлявая, смазливая на лицо полудевчонка, полубаба, но уже с двумя детьми. Своего мужа она ласково называла Мотаней. Когда Мотаня выходил на улицу, все собачье население вставало на дыбы, рвалось с цепей, лезло на заборы. В поселке стали пропадать дворняги, ходили слухи, что делает это Мотаня – употребляет собачину для поправки здоровья. Мотаня протянул недолго, года через три отнесли его на кладбище.

– Эх, Мотаня, я твоя Маня, ты Мотанечка моя. Лучше бы сгорела баня, чем Мотаня умерла, – начернив брови карандашом и намазав помадой губы, напевала вдова. – Эх, дохленький ты мой! – вытирая рукавом пьяные глаза, укачивала она только что родившегося сына.

С той поры стали называть Гришку на улице Дохлым. Прилипла кличка и к старшим Гришкиным братьям, стала вместо фамилии. Мало того, весь околоток, вся ребятня, жившая вокруг Песочных Ям, стали именоваться Дохлыми.

Чем жили, что ели обитатели Песочных Ям, можно было только догадываться: огород – несколько грядок – все съедалось, едва поднималась ботва. Впрочем, они, как своим, пользовались чужими огородами: не на Релках, так на Барабе. Ловили их, били, но помогало мало. Когда подросли, их начали сажать, одних сажали, других выпускали. Релские старались с ними не связываться, еще чего доброго встретят в темном переулке, зарежут, для них это раз плюнуть.

Полуголодная, в постоянном конфликте с законом жизнь Гришкиной семьи мало чем изменилась, когда в их доме объявился новый папа.

Яшка-старатель сам о себе рассказывал так: после долгой и нудной работы на приисках решил он дать шороху в большом городе. Однако его гастроли чуть было не оборвались в ближайшем от Барабы болоте, вусмерть пьяного выбросили Яшку из машины.

На свое горе натолкнулась на него Гришкина мать, притащила старателя в землянку, отскребла от грязи. Благополучно перезимовав на Релке и смастерив очередного Дохлого, Яшка весной укатил на свой разлюбленный север. На Релке он объявился на следующую осень баловнем судьбы, которому подвалил фарт. Погуляв неделю-другую, решил он удивить Релку и рядом с землянкой затеял строить огромный двухэтажный дом. Навез бревен, нанял релских мужиков, те быстренько собрали сруб, но Яшке вновь попала шлея под хвост, вновь из Песочных Ям понеслись разудалые песни, шатаясь и ломая заборы, загулял случайный народ. В конце Гришкиной матери пришлось бегать по соседям собирать Яшке на билет до Бодайбо. Выручили Брюхины, дали денег, и Яшка, оставив жену с животом, надолго исчез с релских улиц.

– Ты, Женька, не обижайся, – сказал Гришка, швыряя носом, – но барабинские его уважают, ну а раз уважают, значит, боятся. Он никогда не задается.

– А я задаюсь? – вскипятился Брюхин. – Ты бы лучше сопли выбил. Смотреть противно.

– Ребята, не надо ругаться, – вмешался Сергей. – Пусть будет Женька. У него есть книга по каратэ. Нас обучать будет. И вообще, нам не только войско нужно. Еще можно организовать ансамбль. А что? – Сережка улыбнулся. – Гришка на барабане, Женька на аккордеоне, а я на балалайке. Сила!

Все дружно рассмеялись. Шутка понравилась.

– Ну ты, Рябой, брось за других решать, – еще больше разозлился Брюхин. – Мне подачек не надо. Вот что я вам скажу: ничего у вас не выйдет – одна болтовня. Как били, так и будут

бить. Тоже мне, Минины и Пожарские нашлись – «войско», Русь. Релка – дыра была, ею и останется.

– Ну а ты, ты что, не релский? – спросил Сергей.

– Я, – Женька ткнул себя в грудь, – допустим, релский. Что мне, гордиться этим? Ну, хорошо, соберем кодлу, побьем барабинских, те наберут кодлу побольше, позовут Мельницу, Мылзавод и задавят. Против лома нет приема.

– Если нет другого лома, – вставил кто-то из ребятни.

– Это еще посмотрим, кто кого. Ты-то что предлагаешь?

– Я, – Женька хмыкнул. – Я предлагаю послушать маг. У меня есть новые песни Высоцкого.

– Можно, конечно, послушать, – заколебался Дохлый. – Я не против.

– Ну а как быть нам? – спросил Сергей.

– Вам, – Женька на секунду задумался, – вам расходиться по домам. Языки почесали – хватит. Кто хочет, пошли со мной. А насчет карате... Махайте лучше кулаками по-крестьянски – веры больше. За карате деньги платить надо. Ну, поднимите руку, у кого они есть?.. Нет таких? Тогда пошли, я включаю Высоцкого бесплатно.

Но никто не тронулся с места. Ссоры, подобные этой, были и раньше, привыкли. Но сегодня Женька перегнул палку, он не Дохлого – всех обидел. Нашел чем кольнуть – деньгами.

Брюхин понял: идти за ним не желают. Слабая улыбка мелькнула у него на лице, он соскочил с бревен.

– Давайте, давайте. Рябой вас не в ополчение, а в баптистскую секту затянет. Посмотрите.

– Пусть идет, – сказал Дохлый Сергею. – На него нельзя надеяться. Помнишь, у меня на Ангаре ногу свело? Я ему: помоги, а он – к берегу.

Сергей молчал. Он хорошо помнил тот случай. Дохлый переоценил свои силы, потянулся за Брюхиным. Заплыли далеко, за теплую иркутную воду, аж до самой ангарской синьки. И вдруг Гришка заорал, захлопал по воде руками. Думали, балуется. Но, когда Сережа подплыл к нему, тот, выкатив по пятаку глаза, обхватил ему руки мертвой хваткой. На счастье, подвернулась моторная лодка. Никто не осудил тогда Брюхина. Ангара – не Курейка. Ругали Дохлого: не можешь плавать, барахтайся у берега. Но что-то все же изменилось. Женькино лидерство пошатнулось. А на чем оно держалось? У Женьки всегда водились деньги, отец ему ни в чем не отказывал, и, надо сказать, Женька их не жалел, давал на кино, брал на всех мороженое. И никогда не напоминал, мол, отдавайте. Когда имеешь деньги, можно кое-что себе и позволить, зная, все вернется с процентами. Но с теми, кто не соблюдал установленные им правила, Женька обходился круто: переставал разговаривать, делая вид, что человека не существует на свете. И на многих это действовало, заискивали перед ним. Бороться с Брюхиным было сложно и интересно. Он был на голову выше остальных, много читал, почти всегда был в курсе всех событий, имел свое мнение, и Сергею порой казалось, что Брюхин гораздо старше его, хотя они одногодки. В решающие моменты Женька использовал Дохлых, те были ему преданы. И вот впервые Дохлые предпочли не Брюхина, а Сергея. Что подделаешь, улица живет по своим законам, здесь ничего не забывают и не прощают. Возможно, сказалось и то, что как раз перед этим, после очередных своих гастролей, ревнивый до потери памяти Яшка-старатель учинил Гришкиной матери разгон, и она спряталась от разгневанного супруга у Рябцовых. Яшка явился следом и начал бить стекла. Насилу утихомирил его Сережкин отец, закрутил руку и головой окунул в бочку с водой. Попускал Яшка пузыри – утих. А на другой день, застеклив в том и другом доме окна, пили мировую и орали военные песни.

– Ладно, как-нибудь разберемся, что можно, что нельзя, – сказал Сергей. – Докажем не только им, – кивнул в сторону Барабы, – но и своим, что мы чего-то стоим. Ничего, у нас будет так, как еще ни у кого не было.

Пожалуй, это были звездные часы его детства. И начались они с подготовки к войне с Барабой. Первым делом соорудили в лесу штаб, затем вокруг Релок создали базы. Натаскали в них из Песочных Ям камней. Дальше – больше. Брат Петр, умная голова, подсказал: чем квазить друг другу носы, лучше обыграть барабинских в футбол. Появилась футбольная команда. Деньги на форму заработали сами – пилили дрова, разгружали вагоны. Затем среди кустов нашли сухое место, срезали кочки, поставили штанги. Сергей попросил брата, и он достал книги по боксу и самбо, а вскоре принес книги о каратэ. Летом занимались сами, а осенью многие записались в секции: кто в бокс, кто на борьбу.

Ребят из предместья брали охотно: выносливые, неизбалованные, они хорошо держали удар, не жалели ни своих, ни чужих ног в хоккее и в футболе, выворачивали и ломали руки в борьбе вольной и классической. Случалось и наоборот, ломали им, но они не бегали жаловаться. Главная мечта – попасть в сборную. Но чаще всего попадали за решетку. Тренеров мало интересовало, чем занимаются их воспитанники дома, главное – результат на соревнованиях. И многие совершенствовали приобретенные навыки. На танцах собирались стаями, кидались друг на друга: рабочедомские – на маратовских, новостроевские – на мясокомбинатовских, Мельница – на Барабу. Били уже с понятием в печень, в сплетение, в челюсть. Их приучили не жалеть, на тренировках им вдалбливали: в следующий круг выходит сильнейший. Следующим кругом для многих становилась колония. Оттуда уже возвращались профессионалами с изломанной судьбой и пещерным взглядом на жизнь. До поры до времени релские избегали этой участи – может быть, спасало болото.

Сергей гордился тем, что у них появилась собственная библиотека – более тысячи книг насчитывала она. Собирали везде, где только можно. Нет, не все шло гладко, случалось, ругались и дрались меж собой. Непростое это дело – собрать в кулак разношерстную шпану. Уже там, в Афганистане, он не раз вспоминал то время. Старались восполнить то, что у других было с избытком. Но они не чувствовали себя обделенными. Если чего-то не имели, не беда, зато у них был свой, не похожий ни на какой более мир: заросли боярки, тальника, свои укромные поляны, озерки, остатки высокой железнодорожной насыпи, которую они меж собой называли валом Чингиз-хана. Была даже своя часть Иркута.

После того памятного собрания на бревнах стычки с барабинскими пошли на убыль, а к началу учебного года и вовсе стихли. А вскоре надвинулись другие времена, стала давать знать о себе Новостройка – город. Тут Релка и Бараба были заодно.

Когда играли в футбол с Новостройкой, приглашали в команду Ахмета. Не было ему равных в нападении: резкий, быстрый, злой, он творил на поле чудеса.

Все начало распадаться, когда в семье Рябцовых произошло несчастье: потерялся отец. Уехал на заработки в Бодайбо и не вернулся.

Его нашли весной, заваленного мхом. Экспертиза установила: был убит выстрелом из карабина. Следствие ничего не дало. Допрашивали Брюхина, Яшку-старателя, который видел отца последним, но убийцу так и не установили.

В четырнадцать лет Сергей попал в интернат. Вот когда пригодились знания по каратэ и боксу, там приходилось утверждаться заново. Случалось, били его там, но всегда получали сдачу. На Релке он появлялся изредка во время каникул. В один из таких приездов произошла последняя драка с барабинскими. А причиной тому была Анька.

Глава 8

Первым среди «ополченцев» слинял от военных, футбольных, библиотечных и других общественных дел Дохлый: вновь переметнулся к Брюхину, к тому времени у них появились новые интересы – начали крутить любовь с девчонками. Но если Брюхин мог надеяться на свои внешние данные, то Дохлый стал использовать технику – фотоаппарат «Лейку». Он-то и выцелил своим объективом среди барабинских девчонок Аньку. Сделал карточку и отправил в молодежную газету. К всеобщему удивлению, фотографию напечатали, и Дохлый сделался знаменитым. Газету затаскали до дыр, Гришка стал получать от релских заказы, и впервые в жизни у него появились собственные деньги.

– Кстати, она приходится нам дальней родственницей, – разглядывая газету, небрежно сказал Женька Брюхин. – Хочу предупредить: тот, кто начнет приставать, будет иметь дело со мной.

– О, ты, оказывается, успел уже и породниться, – поддел Сергей. – Значит, Ахмет печатал тебе синяки по-родственному.

– Твой Ахмет еще получит свое, – пообещал Брюхин.

«Что за привычка накладывать на все свою лапу», – возмутился Сережка и с той поры все чаще, уже как-то по-иному, стал поглядывать на Аньку.

Прет на Ангари барабинская ватага, а следом за ними она. Ахмет на Иркут – и она с ними, ребята поплывут на остров Любашку – Анька не отстает, по-собачьи загребая воду, плывет следом. Начнет ребятня с трамплина прыгать, Анька – солдатиком. Волосы под ежик, разбитые тапочки, ни дать ни взять – мальчишка.

Чуть позже стала Анька появляться на танцах. Придет, сядет меж своих на забор, щелкает орехи, смотрит через решетку, как протирают на шершавом, похожем на наждачный круг, асфальтовом пяточке обувь.

Наверное, Сергей давно подошел бы к ней, но попробуй сунься, когда рядом, как сторожевой пес, Ахмет. И чуть не прилетело на тех же танцах. Он уже пошел домой и на выходе лицом к лицу столкнулся с Анькой. Наткнувшись, словно наколовшись на его взгляд, Анька, расширив глаза, замерла. Он хотел обойти ее, но тут взвилась труба, грянул прощальный вальс. Точно кто-то дернул его, Сергей дурашливо наклонил голову, показывая, что приглашает ее. Он думал, она испугается, отскочит в сторону, убежит, но не тут-то было. Анька осторожно повела по сторонам глазами и подала руку. Сергей дрогнул: ведь смешно, он, почти взрослый парень, приглашает ребенка. Но делать нечего – он закружил Аньку. Он ожидал, что площадка заполнится парами, но этого не произошло. Все выстроились кругом и стали смотреть на них. Сергей решил не останавливаться, ему стало весело и легко: хотите представление – пожалуйста.

Танцевать вальс научила сестра. Сергей удивился: кто и когда научил Аньку? Поначалу она сбивалась, но от шага к шагу подладилась и вот, уже легко перебирая ножками, кружилась, летела вокруг него. Танец закончился, им похлопали. С покрасневшим лицом Анька встала рядом.

– Молодец, Бараба, соображаешь, – похвалил Сергей девчонку, но ответить Анька не успела, к ним, сверкая глазами, подлетел Ахмет, схватил ее за руку и, что-то выговаривая, повел в темноту.

– Ну, ты и даешь! – подошел к нему Брюхин. – Тебя барабинские за углом поджидали. Мы уже решили домой идти, а тут Гришка нас вернул. Они бы тебе навтыкали.

– Ты, старина, не переживай, – сказал Дохлый, – смотрелись неплохо. Вон, даже похлопали.

– Если бы не мы, похлопали бы по его морде, – заметил Брюхин. – Рябой, ставь бутылку...

– Перебьешься, – отшутился Сергей. – А насчет драки – зря ты. Ахмет не такой уж плохой парень.

– Вижу, не я, а ты в родню набиваешься, – съязвил Женька. – Ну-ну, давай, пробуй.

В следующую субботу Брюхин на танцах раз за разом начал приглашать Аньку. Это не понравилось Ахмету, он отозвал Брюхина в сторону и сказал ему пару ласковых. Женька полез драться, Ахмет расквасил ему нос. На другой день, когда Сергей приехал из интерната, Брюхин прибежал к Рябцовым. Уж кто-кто, а он умел преподнести события так, что ни у кого не возникало сомнения – обидели не его, оскорбили всю Релку. За окном стояли релские парни, они ждали, и Сергей знал: если не пойдет, пошумят и разойдутся, но уже никогда не простят ему. Положение обязывало идти. Нет, Сергей не хотел драки, он думал, все обойдется, но не обошлось. Он встретил Ахмета, они отошли в сторону. И тут, у входа на танцплощадку, началась драка. Затрещал штакетник, замелькали кулаки. Сергей узнал позже: Женька, не дожидаясь, засветил кому-то из барабинских и заорал:

– Наших бьют!

Ахмет прыгнул в самую гущу, в руках у него блеснул нераскрытый складной нож.

– Зарежу! – крикнул он.

Толпа бросилась врассыпную, Рябцов догнал Ахмета, сбил с ног. Падая, Ахмет выронил складень. Сергей успел заметить, Ахмет так и не раскрыл лезвие, но все же на всякий случай навалился на него, заломил ему за спину руки, тот дернулся разок-другой, понял: не вырваться.

– Слезь, Рябой, я тебе не лошадь, – свистящим шепотом выдохнул он. – Отпусти, слышь.

Сергей отпустил ему руку, поднялся, следом за ним стал подниматься Ахмет. В это время из-за спины выскочил Брюхин и ударил Ханова штакетиной. Ахмет волчком закрутился на месте и вдруг с визгом бросился к Женьке в ноги, повалил его на землю. Насилу разнял их Сергей, уж точно Ахмет перегрыз бы Брюхину горло. Но произошло непоправимое: падая, Женька сломал руку – и Брюхины подали на Ахмета в суд.

– Он на меня бросился с ножом, – выставив вперед, как щит, загипсованную руку, дрожащим голосом говорил на суде Брюхин. – Я защищался.

– От лежачего, да? – не выдержав, крикнул со своего места Ахмет. – Да если бы не Рябой, я тебе, паскуда, зубами кишки выпустил!

Судья, лет сорока, толстенная тетка, заставила его замолчать, и Ахмет, прожигая Женьку черными глазами, уселся на скамейку.

Суд размещался в длинном, похожем на барак, одноэтажном доме. Зал заседаний был мрачный и обшарпанный, для таких, как они, не нашлось лучшего. Аньки на суде не было, говорили, за ней приехала мать и увезла отдыхать на Черное море.

– Брось врать, Женька, – сказал Сергей, когда ему дали слово. – Ножа не было. Нет, я хочу сказать, что нож был, складень, но Ахметка... Ахмет, – поправился он, – не раскрыл лезвие. Он хотел просто попугать. Он не виноват.

– Только суд может установить, кто прав, а кто виноват, – устало оборвала его судья. – Лучше подумайте над своей ролью в этом деле. Зачем пошел? Повел дружков? А уж если пошел, так надо было предотвратить драку. Так что помолчи, у самого рыльце в пуху.

Сергей растерялся, он не предполагал, что можно все повернуть в другую сторону. Пытаясь защитить Ахмета, он своими путаными показаниями только вредил ему. Все шло так, как хотели Брюхины. Виноват Ахмет, виновата среда, виноват Рябцов – все, кроме Женьки. Он со всех сторон оказался потерпевшим. И загремел Ахмет в колонию.

– Запомните: незнание закона не освобождает человека от ответственности, – сказал судья, заканчивая свою речь.

– А знание освобождает, – с ехидной улыбкой прокомментировал Дохлый. – Закон – дышло: куда повернул, туда и вышло. Зря ты, Серега, полез. Могли бы и тебя упрятать.

Если бы они были на улице, то Сергей точно заехал бы Гришке. Едва-едва сдержался.

На Ахмета жалко было смотреть. Когда объявили приговор, он еще держался, но когда до него дошел смысл сказанного, он поднял глаза и растерянно посмотрел в зал. Сергей увидел: обычно смуглое лицо Ханова почернело, стало походить на обугленную, потухшую головешку. Его вывели из зала, посадили в милицейскую машину. Сухо хлопнули металлические дверцы, и Сергей вдруг понял: детство кончилось. Впервые неосторожно, по глупости, они дали о себе знать, и им тут же напомнили: никакое болото уже не прикроет, не спрячет. За все нужно платить, чем дальше, тем дороже.

Глава 9

Аньку он встретил весной на городском стадионе. Шла школьная спартакиада. Она узнала его, подбежала, стала расспрашивать про Барабу, в последнее время она там почти не бывала. Пока он не видел ее, она подросла и точно сразу перескочила через несколько ступенек. Перед ним стояла уже девушка, и смотрела на него не как раньше – исподлобья, а прямо и весело.

– Приходи к нам, – сказала Анька, – у меня в субботу день рождения. Послушаем музыку. И Женька Брюхин будет с Гришкой...

Лучше бы она этого не говорила. О том, что Женька бывает у нее, он узнал еще зимой от Гришки Дохлого.

– Нет, не могу, – сказал он. – Билеты надо учить. – Ему совсем не хотелось встретиться с Женькой у Галеевых.

– Понимаю, конечно, надо, – закивала головой Анька. – Может, тогда в воскресенье? Ну, на часок. Я пирог испеку. Мы скоро уезжаем к отцу в Бодайбо.

– Ладно, – подумав немного, согласился Сергей. – Часам к трем. Встретимся на Балабе. Она удивленно вскинула на него глаза, и тут же вспомнив, громко рассмеялась:

– Хорошо. Я буду ждать. На Балабе, так на Балабе.

Он и сам не мог предполагать, что эти дни станут для него такими хлопотливыми и волнующими. Впервые в жизни его пригласили на день рождения. Вечером долго не мог уснуть, вновь и вновь возвращался на стадион, вспоминал Анькины слова, как она их произносила, как смотрела. Нет, такого с ним еще не случалось.

После занятий в школе он поехал домой, собрал пустые бутылки, отнес в магазин, сдал на три рубля. Еще пять рублей дала ему бабка Марья, и он отправился в город покупать подарок. Оказалось, это не так-то просто. Отделы с галантереей и парфюмерией обходил стороной, понимал: не для его кармана. Полдня он пробежал от одного магазина к другому. В конце концов, отчаявшись, забрел в книжный и увидел огромную очередь. В ярком оранжевом переплете продавали Габриэля Маркеса «Сто лет одиночества». Он тут же понял: это то, что надо. Брат говорил: «Книга – лучший подарок». Главное, недорого, а на остальные деньги можно купить цветы. Книга и цветы – лучше не придумаешь. Не какое-то там барахло, а Маркес. Недаром вон какая очередь.

Но книги ему не досталось. Расстроенный, он вышел на улицу, и тут к нему подошел мужчина в потертом пиджаке и предложил купить книгу за червонец.

– У меня только восемь, – Сергей вывернул карманы, показывая, что у него нет больше ни копеек.

– Сойдет, – мужчина сгреб деньги, сунул Сергею книгу и, припадая на ногу, засеменил через дорогу к гастроному, где стояла другая очередь, за водкой.

Цветы он раздобыл у себя на Релке – в огороде бабки Марьи напластал астр.

И тут ему пришла мысль подарить Аньке секундомер, пожалуй, единственно ценную вещь, которую он имел. Секундомер достался ему от Гришки Дохлого, он участвовал в городской фотовыставке, получил диплом и ценный подарок – секундомер. Гришка быстро свернул ему шею, хотел выбросить, затем отдал Сергею.

Анька секундомер не взяла, повертела его, пощелкала кнопкой и вернула. Книгу, даже не посмотрев, сунула в полиэтиленовый пакет. А вот цветам обрадовалась. Сергей не понял. И какой толк в этих цветах? Другое дело – книга, ее можно прочитать и дать другим. В конце концов, она может лежать долго и напоминать о том, кто тебе ее подарил. А цветы? Через два дня засохнут, их выбросят и все. Отец никогда не дарил матери цветов – это он помнил точно.

Но помнил и другое. Однажды он, Сережка, нарвал жарков и принес домой. У Аньки, когда он ей неловко сунул букет, было такое же лицо, как тогда у матери.

Они пошли на Ангари, сели на обглоданное водой бревно и стали смотреть на воду, на освещенный фонарями противоположный берег, на темный шпиль Знаменского монастыря. Вскоре из-за горы выползла огромная луна и по воде, прямо к ногам, прибежала светящаяся тропинка.

Сергей смотрел на Аньку уже не так, как раньше, он еще сам не знал, как, но чувствовал: что-то произошло в нем. Все, что было прежде, показалось пустым и ненужным. Только сейчас он начинал слышать, видеть и понимать все по-настоящему.

Анька болтала без умолку, и он, обалделый, сидел и слушал, и что бы она не говорила, было наполнено для него особым смыслом. Но почему-то больше всего укололо признание: оказывается, Анька боялась его просто до ужаса. Называла не иначе, как релский бандит Рябцов. Слышать такое было неприятно – он имел о себе несколько иное мнение.

– Что, и сейчас боишься? – хмуро спросил он.

– Сейчас? – Анька посмотрела на него прямо и вдруг осторожным кошачьим движением тронула его за волосы. – Нет, сейчас нисколько. Волосы у тебя мягкие. А моя бабушка говорила: «У кого волос жесткий, у того и характер жесткий». Как у моего отца.

– Совсем необязательно, – заметил Сергей. Ему хотелось, чтобы она еще раз тронула его за волосы, но Анька пошла дальше, а когда пришло время расставаться, взяла и чмокнула его мягкими губами в щеку.

– Это тебе за цветы.

С того дня, когда он приезжал домой, выходил из автобуса на Барабе, первым делом отыскивал дом Хановых. Для него он стал особенным – сюда приезжала Анька. Если кто-то из релских упоминал Анькино имя, он вздрагивал – у него появилась тайна. И Бараба стала для него не только автобусной остановкой – от нее он повел отсчет всему.

Вскоре Анька уехала в Бодайбо, потом начались экзамены, и он на время забыл о ней. Но после экзаменов послал открытку, она ответила длинным письмом. И тут он узнал: Анька пишет не только ему. Женька Брюхин, встретив его, сказал, что собирается в Бодайбо в гости к Галеевым. И Сергей не ответил на письмо. Ему показалось, Анька ведет двойную игру.

В конце июля он узнал от Дохлого, что Анька прилетела, была на Барабе, спрашивала про него.

– Я не шучу, спрашивала, – поймав недоверчивый взгляд, сказал Гришка. – Она сегодня с матерью на море уезжает.

Сергей – бегом на остановку, впервые в жизни остановил такси и помчался на железнодорожный вокзал, почти успел, поезд еще стоял. Заглядывая в окна, он побежал вдоль вагонов, но в это время поезд тронулся. Он увидел ее, она смеялась, махала кому-то в окно. Сергей остановился и поглядел, кому – она махала Женьке Брюхину.

Глава 10

Проснувшись, Сергей не сразу понял, где находится и что за потолок у него над головой. Он быстро, по цепочке восстановил последние дни, облегченно вздохнул: ну вот и сбылось, наконец-то он проснулся не в казарме, не в палате госпиталя и не на полке вагона, а дома. Точно боясь пропустить для себя что-то радостное и важное, он соскочил с дивана, оделся, пошел на кухню, глянул в окно и, пораженный, замер. Он увидел то, что вечером было скрыто темнотой. За колодцем на огороде лежал свежераспиленный брус, чуть дальше аккуратной стенкой доски, поддоны с кирпичом, бревна. Забор, который когда-то отделял их от Брюхиных, был снесен.

«Торопятся соседи, – ощутив, как уходит из него радостное чувство, подумал Сергей. – Был бы жив отец – не позволил».

Когда он ехал в поезде, то первым делом наметил сходить в военкомат, встать на учет, затем съездить в интернат, зайти в школу, встретиться с учителями, но сейчас собрался к брату – выяснить, почему он надумал продавать дом. Но вдруг он поймал себя на мысли, что ему не хочется видеть брата после того, что он увидел здесь.

Сергей решил вначале сходить к отцу с матерью. Еще там, в Афганистане, дал слово: если останется жив, первым делом пойдет на кладбище.

Родители были похоронены в Ново-Ленино, на горе. Раньше это место называли Порт-Артуром, говорили, в память о Русско-японской войне, но потом название забыли, как забывают многое, что случается на земле. Поколебавшись, Сергей отправился пешком. Он спустился к озеру, свернул в переулок, ведущий к тому месту, которое они раньше называли Песочными Ямами. Теперь здесь была свалка: напротив домов бочки, ведра, банки, заржавевшие кровати и кроватки, трубы, драный толь, битое стекло – не утруждая себя, люди валили мусор себе под нос. Скособочившись, с заколоченными окнами, безучастно смотрел на болото недостроенный дом Яшки-старателя.

Минут через двадцать Сергей поднялся на мостик, который был переброшен через железную дорогу. Справа в лесочке, за озером, из тумана глянула на него маленькая деревянная церквушка. Обгоняя его, обдавая бензиновой вонью, шли по дороге машины, навстречу им ползли переполненные автобусы. Московский тракт отодвинулся от Ангары, спрятался от Барабы за железной дорогой. Слева по болоту строилась объездная дорога, желтая насыпь, горбясь, шагала через болото. В заросших камышом озерах черными точками, как поплавки, торчали дикие утки, и Сергей, увидев их, почему-то обрадовался: надо же, кругом скрежет, грохот, звон, а птицы вопреки всему живут. Значит, еще не все потеряно.

После смерти матери он впервые шел этой дорогой, и вот сейчас, при виде голубых оградок, его охватило чувство вины: почему не приходил раньше? Боялся? Может быть. Это после пришло понимание: меньше всего надо бояться мертвых. А страх, скорее всего, появлялся оттого, что именно здесь понимаешь: всему есть конец. Но ходить сюда надо для того, чтобы не забывать: те, кого мы помним, живы.

Вскоре он пересек объездную дорогу, нашел покосившуюся деревянную оградку, внутри которой из засохшей травы выглядывали завалившиеся, полусгнившие деревянные тумбочки. Он вспомнил, брат с сестрой говорили, что надо поставить родителям памятник, но, видно, так и не нашли времени.

Сергей открыл у оградки дверку, нашел палку и, точно совершая самую важную и главную в своей жизни работу, стал выгребать мокрые листья, пожухлую, накопившуюся за многие годы, траву. Прибрав могилы, смахнул с глаз внезапно проступившие слезы, огляделся. Кладбище жило своей, отстраненной от всего мира, жизнью. На тополях свили гнезда вороны, сновали меж кустов сороки, – наверное, привыкли к тому, что люди приносят на могилы, по обычаю, что-нибудь съестное. Должно быть, считали – приносят для них.

Сергея, привыкшего к армейскому порядку, поразило царившее на кладбище запустение, обилие мусора и хлама. Так и не сблизившись, не став братьями и сестрами на земле, они и здесь, уравненные смертью, огородились друг от друга; все, что видели глаза, подтверждало: смерть есть продолжение жизни, только в другом измерении. Он вдруг подумал: возьми «дух» на сантиметр пониже – и его в цинке привезли бы сюда, и лежал бы он сейчас рядом с отцом и матерью, тихо и спокойно. Но, видно, еще не пришло его время. Родители в той неподвластной его пониманию стороне смогли уговорить кого надо оставить ему жизнь.

Почему-то он вспомнил застолье в доме, сидящего с баяном отца. Обычно он играл две-три ходовые в то время песни, а уж под конец, когда гулять начинали всерьез, когда затевались пляски, доставал клееную-переклеенную балалайку и переходил на частушки. Сергей любил забираться под стол, оттуда можно было увидеть многое, чего не увидишь за столом. Ему нравилось пробираться туда незамеченным, осторожно, как разведчик. Он знал, если поймает мать, вытурит на улицу. Отец смотрел на все сквозь пальцы – он наяривал по струнам. В уголке рта чудом висела погасшая папироса. Мало что осталось в памяти, отец редко бывал дома, пропадал в тайге, работал по договору в коопзверосовхозе, заготавливал ягоды, охотился. За отца дома был брат, и Сергей привык во всем подчиняться ему.

Глава 11

Дом, в котором жил брат, напоминал съехавший с рельсов многоэтажный трамвай. Уходя косо от дороги, он снес на своем пути целый квартал, сдвинул потемневшие от времени деревянные домики, наткнувшись левым плечом на белокаменную церквушку, согнулся посередине и, видно, осознав, что залез не туда, куда следует, остановился. Очутившись в непрестижной компании, он, казалось, ждал, когда его утащат туда, где за трамвайной линией выстроились в ряд пятиэтажные панельные дома-близнецы. Вдоль гладких, облицованных черной плиткой стен гулял ветер, разогнавшись по кривой, вышвыривал на дорогу песок, оставленный строителями мусор, обрывки газет. А пока суд да дело, люди на свой лад и вкус обживали дом: чистили, красили окна, мыли стекла. Во дворе, возле одинокого, как сторож, тополя копались в песке ребятишки.

Поднявшись на крыльцо, Сергей толкнул дверь и попал в тесный коридорчик, дальше шла вверх узенькая лестница. Она обегала вокруг бетонного колодца, внутри которого находился неработающий лифт. Сергей поднялся на несколько пролетов и, не отыскав привычных жилых дверей, остановился. Справа были все те же голые, время от времени разделенные этажным окном, стены, слева четырехугольный, уходящий куда-то ввысь, лифтовый колодец. И если бы не периодически вздрагивающая от пролетающего внутри мусора металлическая труба мусоропровода, то можно было подумать, он ошибся и попал в какой-то подсобный нежилой подъезд.

Снизу раздались шаги, его догнал круглый, как шар, мужчина. Он нес картонную коробку.

– Скажите, здесь живут? – спросил Сергей, постучав ладонью по стене. – Лезу, лезу, ни одной двери.

Мужчина поставил на подоконник коробку и утер вспотевший лоб рукавом.

– Живут, живут, только выше. Я тоже сначала не мог ничего понять, лампочки не горят, темно. Жуть берет. Ползешь как в пещеру, того и гляди кокнут. Ты к кому?

– К Рябцовым.

– А, знаю, знаю. Летчик.

Он снял с подоконника коробку, бросил ее на плечо, еще раз с любопытством, уже косо, глянул, и Сергею стал почему-то неприятен этот шупающий взгляд, он понимал, этот взгляд предназначался не ему, а скорее всего, брату, взгляд не из тех, каким встречают, а каким провожают.

– Это на седьмом этаже, первая дверь направо, – шагнув к ступенькам, сказал мужчина.

Наконец Сергей отыскал обитую дерматином дверь с номером, который он держал в памяти, нажал кнопку звонка. Подождал немного, толкнул дверь, и она на удивление легко подалась. Он очутился в длинном полутемном коридоре.

– Проходите, проходите, я сейчас выйду, – откуда-то из глубины донесся до него знакомый голос брата.

Петька вышел из ванной в длинных трусах, растирая полотенцем мокрые волосы, глянул одним глазом и остановился.

– Серега, ты?.. – промычал он и, повесив на шею полотенце, глянул уже обоими изумленными глазами и зашлепал мокрыми ногами к нему, обхватил, прижал к себе. Сергея обдало парным запахом помытого тела.

– Вырос-то, вырос – мужик! – Брат отстранился, забегал по комнате, разыскивая среди разбросанных вещей одежду. – Видишь, квартиру получил, – виноватым голосом, взволнованно, говорил он. – Все некогда порядок навести, командировки замотали.

Через несколько минут они сидели уже за столом, брат выставил бутылку водки.

– Ну, у тебя и дом, – улыбаясь, сказал Сергей. – Одесские катакомбы, только не под землей, а над нею.

– Зато какой народ, – горделиво рассмеялся брат. – Артисты, есть прокурор, военком, народный судья, адвокаты, музыканты, художники, писатели – всех понемногу, каждой твари по паре. Можно жить автономно. Встретишься вечером в темноте лоб в лоб, по привычке оттянешь его, а выйдешь на свет, мать честная – Лысов. Да его чуть не каждый день по телевизору показывают. В соседнем подъезде «утопленники» живут – наши с Релок. Релку в прошлом году топило, вот нам и повезло: кое-кому квартиры в этом доме дали. Ты знаешь, – брат фыркнул, – как там жили, так и здесь: самогон гонят. Чтоб милиция не разнюхала, двери каждую неделю красят, и гонят. В крайнем подъезде торгаши живут. Те похитрее, выбрали старшего по подъезду. Здесь под нами магазин, касса, пивбар. Разный народ шляется. Недавно две квартиры грабанули. Так вот те собрали деньги, заказали железные двери, решетчатые, каждому отдельный ключ. К ним теперь и не попадешь. Сами себя за решетку посадили. – Брат посмотрел в окно, вздохнул: – Одна отрада – балкон, ни одной перегородки. Триста метров. Мы друг к другу по нему в гости ходим. Красота. Обещают разделить – вся прелесть дома пропадет. Правда, шпана балует. Холодильник у меня сломался, я банки с помидорами выставил на балкон – сперли.

– Тесть ночевал тут у меня, – продолжал он. – Ритка ему пожаловалась. Решил он покараулить, я, говорит, посторожу. Поставил раскладушку у двери, ломик рядом на пол положил. Стал ждать. Час, другой – не идут. Он уснул. И тут стук, он глаза раскрыл и к окну. Глядит: кто-то банки в сетку складывает. Он в дверь, а она, как назло, заклинила. Пока он выбрался, ворюга уже за поворот скрылся. Тесть следом. Смотрит: впереди кто-то с банками возится. Он ломик над головой и на него. Молча. Тот увидел, бросил банки и шасть в балконную дверь. Алексей Евсеевич собрал банки, и обратно. Приходит, мы уже свет включили. Смотрю, батюшки мои, банки-то с огурцами!.. Ну а ты как, как здоровье? Чего с госпиталя не писал? Я ведь два раза в Афгане был. Самолеты перегонял. По полмесяца там ошивался, думал: встречу. И у военных спрашивал. Никто, ничего – плечами пожимают.

– А-а, ты мне написал про это, вспомни. Мы тогда под Джелалабадом стояли, – махнул Сергей рукой. – А из госпиталя я не знал, куда вам писать. Тебе же квартиру как раз давали. После госпиталя к другу заезжал. Что письма? Думал, приеду домой – все расскажу.

– Нет теперь нашего дома, – извиняющимся голосом проговорил брат. – Болото подперло улицу. У кого машины есть, те землю навозили, шлак насыпали. Я решил дом продать. Одна обуза с ним. А там Брюхины теплицу затеяли под цветы. В прошлом году они только на цветах десять тысяч заработали. Ты живи у меня. Ритка – баба с придурью, но должна понять. Квартира вон какая, на всех хватит.

Сергей смотрел в окно, ему было неловко за брата, за его виноватый голос.

– Тебе на работу надо устраиваться, – вновь заговорил Петька. – Может, к нам, бортпроводником? Ты на складе отработал, заявление в кадрах должно сохраниться. Конечно, это не профессия. Надо в летное попробовать или в штурманское.

– Петя, меня с дыркой в спине врачи к летному на пушечный выстрел не подпустят, здоровых полно, – заметил Сергей.

– Ничего, устроим, – бодрым голосом начал успокаивать его брат, – не в летное, так обратно в университет или какой-нибудь институт. Подо мной доцент живет. В этом году он председателем приемной комиссии был. Тебя должны без всяких конкурсов взять. Но нынче опоздал. Придется заглянуть к командиру, он на днях должен из отпуска выйти. Он у меня вот где, – брат показал сжатый кулак. – Пройдешь комиссию, выдадут форму и начнешь летать по всему Союзу. И девку тебе найдем. У нас в одном здании пятьсот стюардесс, на любой вкус.

– Ну, скажешь, жить я у тебя не буду, – подумав, сказал Сергей. – Чего доброго, еще по ночам кричать начну. Со мной это бывает. Поживу на Релке, в нашем доме, надеюсь, родня

возражать не будет. А за то, что с работой похлопотать берешься, спасибо. Честно признаюсь, денег у меня по нулям.

– И чего тебе этот дом, не сегодня-завтра развалится. Вон комната свободная – живи. Квартира в центре, все рядом: магазины, рынок, кино – это тебе не Бараба.

Брат, испытующе поглядывая на Сергея, замолчал. Молчал и Сергей – что он мог ответить? Петр вроде бы предлагал ему выбор, хотя выбора, как такового, не было. Обижать брата не хотелось, Сергей видел, тот и сам понял, что попал в дурацкое положение.

– Как у тебя со временем? – неожиданно спросил Петр. – Я имею в виду ближайшие два дня.

– Свободен. Министру обороны я не нужен. Советской власти – тоже.

– Вот что, поехали на охоту, развеешься. Алексей Евсеевич Женьку женит. Решил мир удивить. Говорит, в Средней Азии и на Кавказе свадьбы делают на пятьсот человек. Ну а у моего тестя только около сотни набирается. В основном нужные люди, а нужные люди любят мясо, много мяса им подавай. На рынке – дорого.

Сергей вдруг почувствовал: внутри у него все напряглось, как бывало в армии, когда их поднимали по тревоге.

– А что, съездить можно, погода шепчет, – глянув в окно для того, чтобы скрыть лицо, ровным голосом проговорил он. И, выждав секунду-другую, как можно безразличнее спросил: – Кто невеста?

Ему показалось, мир висит на волоске, сейчас брат скажет, и оборвется то, ради чего он ехал, торопился домой.

– Да у них разве узнаешь! – махнул рукой Петр. – Я про свадьбу-то не знал, вчера сказали. Ну, так что, едешь?

Сергей отпустил дыхание. Съездить на охоту? А почему бы и нет?

– Что, у Брюхиных лицензия есть?

– Для нас всегда – сезон, а лицензия не проблема. У Алексея Евсеевича все повязано. Давай не кочевряжься, поехали. Часа за три-четыре доедем, помоемся и на боковую, а утром на охоту.

Глава 12

С Брюхиным встретились на заправке. Увидев его, из машины выскочил Гришка Дохлый – тощий, обросший, с усами. Черный кожаный пиджак болтался на нем, как на вешалке, глаза голодные, волчьи, на голове зеленый с хвостиком берет, ни дать ни взять – чистый душман. От заправочной с улыбкой подошел Женька, оценивающе оглядел Сергея.

– И ты с нами? – протянул потную, холодную руку, спросил он. – Вчера наши тебя, говорят, за беглого приняли. Ты чего это туда поперся? Мог бы и к нам – не чужие.

– А ты не в армии? – в свою очередь спросил Сергей.

– А я пацифист, – коротко хохотнул Женька. – Каждый должен делать то, что у него лучше получается.

В отличие от Дохлого, Женька одет был просто: джинсы, кроссовки, трикотажная с короткими рукавами рубашка. Но эта простота стоила дорого, рядом с ней в своих солдатских сапогах Сергей, наверное, выглядел как танк возле легковушки.

Гришка послушал разговор, пошевелил усами, потом нырнул в машину и достал фотоаппарат.

– Аркадий Аркадьевич, дядя Леня, вылазьте! Фото на память, – громко крикнул он.

Из машины выбрался Аркадий Аркадьевич. Был он чуть выше среднего роста, худощавый, в «энцефалитке» защитного цвета, в кожаных с высокой голяшкой ботинках, на шее шерстяной шарф, на голове, как у Гришки, берет. Встали вдоль борта, Дохлый руководил расстановкой, выскакивал то в одну, то в другую сторону, прицеливаясь объективом.

– Ты давай не мельтеши, снимай, – приказал Аркадий Аркадьевич, – а то прыгаешь, как блоха.

Дохлый угодливо рассмеялся, будто Аркадий Аркадьевич сказал невесть какую шутку, и, перемещаясь вдоль машины, стал щелкать затвором. Не дождавшись конца съемки, Аркадий Аркадьевич поправил свой берет и забрался в машину. Все, как по команде, полезли следом.

Дохлый пересел к Сергею, уже не стесняясь, облапил его, прижался к щеке рыжими усами.

– Ты поосторожней, – поморщившись, улыбнулся Сергей. – Раздавишь, черт.

– Извини, – отпустил его Гришка. – Ну, рассказывай, как там?

– Где? – не понял Сергей.

– Чего дурака валяешь, – обиделся Гришка. – Сам знаешь.

– Да ты лучше своих коллег порасспроси. Прилетят, пощелкают – и домой. А потом: мы, мол, в самом пекле были.

– Чего в пузырь лезешь? Я ведь серьезно, как товарища, спрашиваю. Не для газеты, для себя.

– А где ты сейчас?

– В партийной службе. В ТАСС бы уйти – вот там работа. По свету поколесить можно. Но лохматую руку надо, без нее бесполезно. Я ведь на заочный перевелся. А ты что думаешь делать?

– Работать, что же еще?

– Работа – не волк, сейчас надо мозгой маленько шевелить, – облизнув усы, заметил Гришка. – Давай, еще раз попробуй к нам в университет. У тебя сейчас преимущество – служба в Афганистане. Хочешь, с ректором поговорю?

– Прямо с ректором? – поднял брови Сергей. – Вот теперь верю – в газете.

– Тоже мне, нашел профессию, – поглядывая на дорогу, влез в разговор Петр. – Журналист. Сереге другую надо. Я ему советовал на штурмана. Три года в училище – и сразу четыре сотни. И техника порядочная, а для начала хорошо бы бортипроводником.

– Я гляжу, вы тут все за меня решили, – зевнул Сергей. – Как говорил мой друг Колька, пожуем – увидим.

Вдоль дороги на темно-серых, чем-то напоминающих верблюжьи одеяла, полях студенты убирали картошку, ссыпали ее в светлые, похожие на фисташки, мешки, которыми были утыканы склоны. Дальше на горизонте мягкими подушками желтел березовый лес.

Над дорогой, полями и перелесками, над дальними деревушками висело такое родное и знакомое, теплое осеннее небо.

– В позапрошлом году работали мы в колхозе, – поглядывая в окно, начал рассказывать Дохлый, – и тут узнаем, к нам девушек из мединститута поселили...

– Ты лучше расскажи, как наши релские, барабинские? – попросил Сергей. – Кто куда устроился?

– Сенька Лобан шоферит, Герка тоже крутит баранку на БАМе, – начал перечислять Дохлый, – Галька Глазкова замужем, уже успела родить двоих. Продавщица. Ну, в общем, кто где. Гошку Токмака с Барабы посадили: спер со склада две бензопилы. А вот Ахмета выпустили, недавно видел. Поливает всю. У меня, говорит, нет к водке иммунитета. Собрал вокруг себя малолеток. Погуляет немного и обратно сядет. Одна дорога. Жаль, конечно. Ну а поселок пропадает. Нам, можно сказать, повезло: в прошлом году, после наводнения, матери квартиру в Ново-Ленино дали. Прав был тогда Женька: Релка – дыра. Только мы этого не замечали, гордились даже.

Вынося приговор поселку, Гришка как бы приглашал согласиться с ним, но Сергей не поддержал.

В то время, когда топило поселок и Гришка развлекался с будущими врачами, он лазил по горам, сухим ртом хватал разряженный воздух и вспоминал Релку и Барабу, как самое лучшее и желанное на всей земле место. Пусть и дыра, но своя.

Как эта дорога не походила на те, по которым он ездил там. Сидишь спокойно, не сжимаешься, не ждешь выстрела из-за кустов. Там он думал только об одном: скорей бы все закончилось. Лишь бы уцелеть, лишь бы вернуться домой. Вспоминал и Ахмета. В том, что тот попал в колонию, была и его вина. Очень хотелось спросить про Аньку. Ради нее он затеял этот разговор, но, поколебавшись, остановил себя. Раз не вспоминает, значит, есть для этого причина. Можно будет спросить позже, когда останутся одни. Вообще, хорошо, что поехал, а то сидел бы один, как сын, в доме. Он поглядывал на дорогу, на сидевшего рядом Гришку – нет, это не сон – они вновь вместе.

– А как там твой папа? Где он? – вспомнив Яшку-старателя, спросил Сергей.

– Какой папа? – поднял брови Гришка. – А, Яшка? На севере, в артели. Уже третий год нос не кажет. Вот честно тебе скажу: задавил бы гада! Мать хлещется, жилы вытягивает, а он в сторонке. Редкий раз пришлет денег и записку нацарапает. Мол, смотри там у меня, чуть что – голову оторву. У него, видите ли, до сих пор чувства. Свалился на нашу голову, папаша. Его при рождении надо удавить было. Эх, если бы не фотоаппарат, до сих пор бы с чурками упражнялся. Или бы в компанию к Ахмету попал.

Сергей молча смотрел на дорогу. После окончания школы они с Дохлым устроились на дровяной склад – и тому и другому позарез нужны были деньги. И скоро поняли: колуном и пилой много не заработаешь. Тогда-то Гришка и подался с Женькой в Бодайбо, а Сергей пошел работать в аэропорт, на грузовой склад. Посоветовал брат, сказал, оттуда можно перейти в отряд бортоператором. Но ничего из этой затеи не вышло, на бортоператора не взяли во возраст, во всяком случае, так ему сказал командир отряда. Но зато повезло в другом: с первого захода поступил в университет, на исторический.

Если сказать, что Сергей был тогда счастлив, то, значит, ничего не сказать! Были бы живы отец с матерью, им не пришлось бы краснеть за своих детей. Первым удивил улицу Петька – стал летчиком, но и он не подкачал.

Теперь жизнь потекла по новому расписанию, и улица, выполнив свое предназначение, нехотя отдала его городу. Днем он ехал на лекции, а оттуда сразу в аэропорт на склад. Основная работа была под утро, когда нужно было загружать самолеты на север. Какое-то время Сергей, казалось, без особого труда тянул обе лямки, но однажды, отработав смену, уснул в автобусе. Кондуктор разбудила его на конечной остановке. Совершенно разбитый, поплелся он на лекции. Первой была история – любимый предмет. Вел занятия заведующий кафедрой Игорь Михайлович Сундуков, которого студенты, про себя, естественно, называли «сундуком». Сергею нравились его лекции. Сундуков сыпал цитатами, подтрунивал над великими покойниками, от своего лица вершил над ними суд. Но не забывал и свою паству, на семинарах обычно просил задавать самые каверзные вопросы, провоцировал на спор. Немного освоившись, студенты поняли: спорить с Сундуком – себе дороже. Спора как такового не было, разбив в пух и прах очередного инакомыслящего, Сундуков весело оглядывал аудиторию – ну, кто следующий! Желающих становилось все меньше и меньше.

– Нет, вы посмотрите: опять «Продовольственная программа». Сколько же еще ее можно решать? – развернув газету, воскликнул он. – Три процента населения Соединенных Штатов кормят страну и еще нам продают.

– Скажите, а нужна ли была коллективизация в том виде, в котором она происходила? – сдуру влез Сергей.

– А вы что, молодой человек, еще до сих пор сомневаетесь? – язвительно спросил Сундуков.

– Да вот в книгах пишут одно, а люди, живые свидетели то есть, говорят иное.

Сергей хорошо помнил слова соседа деда Федора, который считал, что все беды с продовольствием пошли с той поры, как начались колхозы. А бабка Марья тут же прибавляла порушенные церкви.

– Давайте разберемся, – глядя куда-то сквозь Сергея, начал не спеша Игорь Михайлович. – Давайте вспомним: основу государственности на славянские земли принесли варяги, а ту обрядовую, музыкальную и прочую в виде церквей и соборов, мы заимствовали у греков. Основы дисциплины и порядка пытались привить при помощи немцев. Что же остается той милой вашему сердцу крестьянской России? Лень, беспробудное пьянство, пресловутое авось, разбой. После всего этого – в церковь, замаливать грехи и каяться. Революция – это не только замена власти, но и возможность в короткий срок вырастить новых людей.

– Забитых, не имеющих права на собственное мнение... – буркнул про себя Сергей, но Сундуков услышал.

– Рябцов, что вы там бормочете? Если можете, то вслух, – громко попросил он.

– Я не бормочу. Почему вы в народе видите только плохое?

– Похвально, похвально, – протянул Сундуков. – Тогда извольте спросить: что, по вашему, есть дух?

– То, чем жив, на чем держится любой народ. Во всяком случае те, кто отдавал приказ взрывать церкви, кто загонял людей в колхозы, заботились не о том, чтобы поднять, а наоборот, сломать его. Достоевский писал...

Сергей понимал, что его занесло – бессонная ночь притупила бдительность. Не следовало вступать в этот бесполезный спор. Но он, повинаясь упрямому чувству, с которым когда-то шел мимо забора навстречу Ахметовой ватаге, продолжал.

– Вы еще, молодой человек, не знаете жизни и не в состоянии понять ее диалектических законов, – обрезал Сундуков. – Наш спор уже разрешила история и мой совет: не доверяйтесь оценкам обиженных лиц. А они были. И это естественно.

С тех пор Сергей попал под колпак Сундукову.

– Ну-с, молодой человек, начнем с вас, – говорил Сундуков, открывая очередной семинар. – Кого вы сегодня будете цитировать?

Под его прессом Сергей держался долго. Но все же Сундук подловил его. Перед этим Сергей пропустил несколько лекций после ночной смены: аэропортовское начальство попросило загрузить самолеты с фруктами на север. Отказать было нельзя – груз скоропортящийся. Зимнюю сессию он завалил. Ему советовали взять академический, а он забрал документы. Весной призвали в армию...

Чем дальше они отъезжали от города, тем хуже становилась дорога и тем беднее села.

К месту приехали, когда было совсем темно. Вышел лесник, посветил фонариком, открыл тяжелые глухие ворота. Остервенело залаяла собака. Въехали, вылезли из машин, огляделись. Пахло дымом, хлебом, парным молоком. Рядом, почти с крыш, смотрели во двор звезды. Сергей отыскал ковш Большой Медведицы. Как на что-то знакомое и близкое смотрел на эти семь звезд там, в Афганистане, приятно было думать, что далеко дома на них, возможно, одновременно смотрит и Аня.

– Алексей Евсеевич, я вас уже заждался, – закрывая ворота, сказал лесник. – Баня натоплена.

– Я не один, со мной Аркадий и ребята. Разместишь?

– В чем вопрос, – засмеялся лесник. – Места у меня хватит, поди, не в городе. Найдем для всех. А ну, зачахни! – вдруг крикнул он на собаку. – Слово сказать не дает.

– В баню сегодня не пойдем, – сказал Аркадий Аркадьевич. – Поужинаем – и спать. Завтра пораньше двинем. У нас еще в городе дел полно.

В доме к приезду гостей был накрыт стол. Посреди – сковорода с мясом, малосольные огурцы, сало. Хозяйка, тихая и неразговорчивая женщина, челноком сновала между кухней и столом.

Женька занес городскую закуску, бутылку с коньяком. Затем все выстроились в очередь к умывальнику. Сергей заметил: рядом с захватанным, грязным полотенцем висело свежее – для гостей. Сели за стол, выпили по рюмке, затем, по команде того же Аркадия Аркадьевича, вдогонку еще по одной. Сергей стал присматриваться к нему, стараясь угадать, кто он, – ведет себя очень уверенно. «Наверное, из офицеров», – решил он.

Гришка сбегал за фотоаппаратом, усадил рядом с Алексеем Евсеевичем хозяев. Они, видно не привыкшие к такому вниманию, начали было отказываться, но потом все же сели и каменно усталились в объектив.

– Евсеич, ну ты прямо как король бельгийский, – пошутил Аркадий Аркадьевич. – Со двором выехал на охоту.

– Ой, вспомнил! – вдруг поднял руку Дохлый. – Минуточку внимания – снимаю. Хорошо, готово. Так вот в семьдесят девятом к нам этот самый король Бодуэн приезжал. Помните, тогда вопрос с Олимпиадой решался? Бодуэн – член Олимпийского комитета. Наши обкомовские повезли его на Байкал рыбачить. Значит, так: рано утром выезжаем. Король, его жена, наш представитель Олимпийского комитета, главный рыбак с Байкала, охранник и я. Делать фотографии для истории. Больше на катере места никому не нашлось. Приплыли мы, встали на якорь. Главный рыбак удочки достал, снасти – и королю в руки. Мол, давай, ваше величество, попробуй. Я, когда увидел удочки, говорю: встаньте у борта, ваше величество, я вас сейчас сфотографирую. Меня предупредил: называть короля только так – ваше величество. Ну, я его раз за разом и навеличиваю. Король забросил удочку в воду. Погода была дрянь, туман стоял. То ли рыбы не было, то ли еще что, король похлестал, похлестал воду, притомился, и по лицу видно – скучать стал. А я тем временем начал судно обследовать, с утра ничего не ел. Смотрю, кастрюля огромная, ведра на два, тряпкой прикрыта. Я тряпку поднял, а там в воде штуки четыре живых хариуса. Я смикитил, закрыл ведро, отошел в сторону. Гляжу, член нашего Олимпийского комитета с королем заговорил, а главный рыбак удочку у короля взял, улучив минуту, выловил из кастрюли хариуса, нацепил на крючок и за борт, а удочку королю. Да видно, хариус угорел в кастрюле, нет чтоб вглубь, плюхнулся об воду, лег на бок и едва-едва плавниками шевелит.

Король на него смотрит, все смотрят. Скандал! И тут главный рыбак решил спасти ситуацию: «Товарищ король, товарищ король, подсекайте его, подсекайте!» Король от крика вздрогнул и как рванет удочку. Хариус, естественно, в воздухе. А рыбак не унимается, счастливым голосом поздравляет: «Товарищ король, поймал рыбку, поймал!» – Тут Дохлый тоненько рассмеялся. – Все онемели. Еще ни разу в истории короли нам товарищами не были. Ну, здесь моя очередь настала, защелкал я затвором. Если бы не я, не видать нам Олимпийских игр.

– Ну и что они дали, эти игры? Последнюю рубашку сняли, – заметил Аркадий Аркадьевич. – Думали, весь мир к нам рванется. Даже тучи, и те сумели от Москвы отогнать. Я был на открытии. В первые дни Москва на осажденный город походила. Дружинники, милиция, солдаты, но хочу заметить, был приказ быть вежливыми.

– Закупили за границей море продуктов. Потом даже в самолетах финскую колбасу давали, – добавил от себя Петр. – Додержали, пропадать начала.

– Дожили. Уже весь мир нас кормит: колбаса финская, куры голландские, масло швейцарское, яйца французские. Лишь один правитель свой, без бумажки пару слов связать не может. Да вот, посмотрите, – Аркадий Аркадьевич кивнул на стол, – сервелат финский, коньяк французский, и все за лес, нефть, золото. Сами себя съедаем.

– А что тут плохого? – нахмурился Алексей Евсеевич. – Сделано качественно. Свое-то и кошка не жрет, разбирается.

– Городскую колбасу не едим, – подал голос хозяин. – Попробуйте лучше свою, домашнюю, или вон салыце.

– Ты, Никитич, не беспокойся, съедем. Якой афганец не любит сала, верно? – Аркадий Аркадьевич выразительно посмотрел на Сергея.

– Конечно, такого сала там не было, – глянув на стол, заметил Сергей. – Сухой паек, сухпай, по-нашему, сардины, плавленый сырок, галеты.

– У самих дома все валится, так нет, надо к соседям влезть, – нахмурившись, сказал Аркадий Аркадьевич. – Думали, быстренько разделаемся, а влезли по уши, и неизвестно, когда выкарабкаемся.

– Ничего, наведем и там порядок, – сказал Женька. – Ошиблись. Надо было сразу круто. А мы с лекциями, с агитациями. Кулаком надо. Силу все уважают. Границу перекрыть заставами, посты на дорогах.

– Ты что, думаешь, один такой умный? – усмехнулся Аркадий Аркадьевич. – Англичане уж на что в этом деле поднаторели, полмира под себя подгрести, а там зубы пообломали. Конечно, сейчас время иное, техника другая. Но хочу сказать тебе, Евгений, наша русская кровушка – дешевая и для замеса хорошая. Вот и льют ее во все времена и у себя дома, и за границей, раствор крепкий, говорят, получается. Раньше к нашим там относились хорошо, наверное, лучше, чем к американцам, – их афганцы просто не знали. У меня в артели мужик работает, геолог, он раньше там в командировке был. Говорит, разве что только на руках не носили.

– А зачем, чтоб носили? – прищурившись, спросил Женька. – Надо, чтоб боялись, как тех же американцев.

Сергей молча смотрел на спорящих. Для них все ясно: зачем вошли и что нужно сделать, чтобы навести порядок. Он почему-то вспомнил вечер у капитана Зарубина – такой же стол, та же тема и совсем другие разговоры. Правду говорят: прежде чем спорить, надо знать, о чем! Но кому нужно его мнение? Женьке? Лично ему ничего не угрожает. Знает, туда не пошлют, а за рюмкой можно повоевать.

– Я вот чо хочу вам рассказать, – подал голос лесник. – Зимовьюшку я тутoka у Черной речки построить решил. Собрал по бревнышку, прихожу через неделю, она вся разбросана. Мишке что-то не приглянулось. Я ее опять собрал, он ее опять растаскал. Стал я смотреть, что его не устраивает. Глянь, газеты, которые я там оставлял, в клочья. Вот, думаю, в чем дело!

Мишка и тот понимает, вранье там. Одно, и про эту самую войну, и вообще про все. Треплют языком, треплют, бумага терпит. Перестал я газеты оставлять, целая избушка.

– Ну, ты, Никита, и мастак сочинять, – засмеялся Алексей Евсеевич. – Медведь не может вынести человеческого запаха, вот и вся разгадка. От человека можно все ожидать. Особенно в тайге...

Сергей с Петром решили спать на сеновале. Поднялись, зашуршало под коленями сено, запахло кислой овчиной и еще чем-то далеким и забытым.

– Слушай, Петя, а кто этот Аркадий Аркадьевич? – спросил Сергей. – Смело говорит. И лицо знакомое. Особенно глаза. Где-то я его видел.

– Большой человек. Председатель старательной артели. У Аркадия Аркадьевича денег куры не клюют. Они с Евсеичем давно дружат. Где-то еще до войны на севере скорешились. Голова у него варит. А насчет смелости – она для этого стола. Здесь одно, в другом месте другое, но везде смело. Не люблю я его. Бабник, к Ритке вяжется. Возможности у него, естественно, не такие, как у меня. То джинсы достанет, то сапоги. А бабам нравится. Ты лучше про себя расскажи. Мы тут с ума чуть не посходили. Ритка несколько раз в военкомат звонила, все обещали выяснить.

– А я уже в Союзе, в госпитале лежал, – сказал Сергей. – Что рассказывать? Поначалу служба как служба. Потом слышим, вошли наши в Афганистан. Не думал, что вскоре там окажусь. Мы уже в части были. И вот построили нас, зачитали приказ, выдали по тридцать рублей. Мы спрашиваем, что с ними делать. Наш старлей Зарубин пожал плечами, что хотите, мол. Решили просадить, а офицеры тоже не дураки, водку отбирают. Колька Русяев – дружок мой с Урала, парень, тебе скажу, во! На гитаре играет, поет, куда там Окуджава. Ему бы артистом быть. Собрал у всех деньги, ушел. Смотрим, через некоторое время идет с полным ведром, а в другой руке швабра. Его без всяких яких пропустили. Заносит ведро, наливайте, говорит, хлопцы, может, больше не придется, – Сергей засмеялся, но тут же замолк, тяжело и протяжно вздохнул. – В Кабул нас по воздуху, – продолжал он. – Смотрим вниз: горы кругом, земля кирпичного цвета – все чужое. Тополя и те другие, пирамидальные, купола мечетей зеленовато-синие, как леденцы. Спиралью, так что кишки около горла, пошли к земле. Сели, наших уже там полно. Все куда-то спешат, двигаются, все без погон. Ну и мы сорвали погоны, чтоб звания не было видно. Поселили в палатках на аэродроме. Голодные, холодные. Воду в бочках привозили. Вскоре попал я в патруль по городу. Мать честная! Такое только в кино видел. Мужики в шароварах, как в кальсонах, вроде брюки потеряли. Женщины в парандже. У лавочек бабаи сидят, насвай – табак – нюхают. Он такого бархатно-зеленого цвета, ну, как наш перетертый укроп. Смотрю, два человека везут раскрашенный автомобиль на деревянной телеге, тянут ее за оглобли. Вот, думаю, сюда бы наших релских и барабинских привезти. Днем плавится все, кажется, сел бы и не двигался, ночью холодно, как у нас в Сибири. Весь день по Кабулу музыка. Ночью стрельба: то здесь, то там, акустика что надо, горы кругом. Не страна, меха у гармошки. В четыре утра кричит мулла, будит через мегафон. В кишлаках обходятся без усилителя, а мулла заунывно, тоскливо кричит, словно помирать собрался. Все останавливаются, достают коврики, разуваятся, встают на колени и лбом строго на Мекку, если военный, то фуражку поворачивают на затылок. Вообще чудно все: узенькие улочки, дверки голубые, арыки, глиняные дувалы. Живут бедно: куры, козы, ослы.

– Ну, это я все видел, – перебил его брат. – Ты скажи, как там наши самолеты?

– Нормально. С утра до вечера журчат. Продукты возят, раненых.

Он и сам удивился, до чего спокойно все рассказывает, отстраненно, как бы со стороны. Нет, ему не хотелось поразить воображение брата. Ему, наверное, следовало рассказывать что-то иное, но именно того и не мог. Не хотелось снова соваться в грязь. А когда был там, думал: вот приеду, расскажу.

Однажды ему довелось увидеть бомбовый удар по мятежному кишлаку. Где-то высоко, словно комары, занудили самолеты, и вдруг над тем местом, где только что виднелись глиняные дувалы, черной шерстью вздыбилась и медленно начала оседать земля. Через мгновение треснуло, дробно обломилось над головою небо и вслед донесся глухой вой. В бинокль было видно, как во все стороны из пыли и дыма, волоча за собой распоротые животы и перебитые ноги, ползли прочь из ада собаки.

– Я вот что уяснил, – помолчав немного, сказал Сергей. – Помнишь, мы в детстве говорили: двое дерутся – третий не лезь. И нам не надо было соваться. «Духи», они на своей земле, каждый камень знают. Для гор они лучше приспособлены. Ужальт – отскочат. А у нас сапоги пудовые, роба зимой и летом колом. Счастье, если командир толковый. Те, что постарше – комбат, скажем, – от него солдату ни жарко, ни холодно. Попадет служака, положит десяток и пойдет по трупам вверх. У нас ротой Илья Зарубин командовал. Повезло, можно сказать. Сейчас в академии в Москве. Но дураков хватало. К невеселым мыслям я там приходил. Когда замполита послушаешь, вроде все правильно делаем. А приглядишься: ну, не знаю. Хорошо, наверное, тем кто отключаться умеет. Взял, скажем, и отключил голову той же анашой. Тяжело все время быть на взводе.

– А куда командиры осмотрели? Ты-то не пробовал?

– Нет...

– А как афганцы к нам относятся?

– По-разному. Смотрят на тебя, зубы скалят. Отвернешься, могут нож всадить. Днем торговец, ночью – «дух». Что у него на уме, не поймешь. Чужие мы для них, шурави. Их армия без нашей поддержки ни шагу. Говорят, не будет вашего взвода – не пойдем. Некоторые прямо заявляют: в горах больше платят. Набирают их знаешь как? Облавой. Не хотят они воевать, разбегаются. Но много и тех, кто за революцию. Для тех выбора нет: или пан, или пропал.

– Серега, скажи, страшно было? – выждав минуту, спросил Петр. – Только честно. Я вот помню, с парашютом первый раз прыгал, ноги ходуном, пульс под двести.

– Поначалу. Скажем, дает сержант мину итальянскую, вот, говорит, мина, вот детонатор. Каждый поставьте по мине, а я покурю. Руки дрожали. Или идешь в колонне, нас шесть раз с одного места на другое перебрасывали. Одно дело под броней, ну а если под брезентом? В любой момент могут садануть: откуда – неизвестно. Потом привыкли. Человек, он ко всему привыкает, мало того, уже к себе как к постороннему начинаешь относиться. Одна мысль: выжить. Смотришь: жасмин зацвел, дома весна, на Барабе парочки гуляют, а ты как проклятый. Злость берет. Сидишь на точке, кругом минные поля. Выскочит коза на них – рванет. А потом по ночам шакалы собираются. Вой, шакалья свадьба. Бросишь пару мин – вроде разбегутся, а потом снова. Но и к этому привыкаешь. Зато по-настоящему поймешь цену всему, что оставил на гражданке. В Кандагаре были, это на юге, месяц недалеко от Джелалабада стояли. Рядом граница с Пакистаном. Самое зеленое место в стране. Потом опять поближе к Кабулу перебросили. И отношение друг к другу уже другое было. Нам старлей Зарубин не говорил: тот-то пойдет со мной. Он спрашивал: «Кто пойдет? И кого я возьму с собой, чтоб уж наверняка. Я за них, они за меня». И попробуй вильни!

– Ну а как со «стариками»? Мозги вправляли? У меня бортоператором вчерашний солдатик летает. Он мне порассказал – жуть берет. Неужели правда?

– Везде по-разному. Там ведь как: я с этого начинал, и ты давай с этого. Был и у меня случай. Если б не Колька, потоптали бы. Ну и Бараба помогла – кое-чему научила.

А с Русяевым Колькой их сблизило то, что один детдомовский, другой интернатский, считай, два сапога пара. По-настоящему подружились, когда после «учебки» прибыли в часть. Вечером в каптерке старослужащие устроили «дискотеку». Заставили молодых петь и плясать. Колька спел что-то, он это умел.

– А теперь пляши, – потребовал квадратный, как шкаф, рыжий детина.

Колька наотрез отказался.

– Ребята, а может, вы сами покажете нам, как у вас пляшут, – миролюбиво попросил Сергей. – Я вот, например, не умею. – Он хотел отвлечь внимание от Русяева и, если удастся, то все перевести в шутку.

– Сплясать? Сейчас покажем, – пообещал ему рыжий.

С дураковатой блудливой улыбкой он вышел на середину каптерки, раскинул в стороны руки, присел и, прихлопывая в ладоши, развернулся и, сделав вид, что падает, ребром ладони врезал Сергею по шее. Очнулся тот под дикое ржание на полу, с чугунной головой.

– Может, еще вальсок станцевать? – учтиво спросил рыжий.

Все вокруг продолжали ржать, и тогда Сергей, облизнув вмиг пересохшие губы, сделал с рыжим то, что когда-то на Барабе с Ахметом: зацепил ему пятку и другой ногой ударил в колено. Рыжий рухнул, как мешок с дерьмом, и выстелился во всю каптерку.

Два дня Сергея никто не трогал, но своим битым нутром он чувствовал: даром ему это не пройдет – выбирают удобный момент.

И выбрали. После отбоя, он уже спал, его будто толкнули. Возле кровати стояли белые тени. Он рывком сел на кровати и тут же инстинктивно уклонился от кулака. Удар пришелся в стенку. Раздался вопль, Сергей подтянул ноги к подбородку и с силой отбросил того, кто стоял напротив. Обретя плоть, тень вылетела в проход. Сергей схватил стоявшую у изголовья табуретку, подскочил к стене, нажал выключатель.

– Кому жить надоело, подходи, – выдохнул он, щурясь от света.

Рядом с ним, спрыгнув с кровати, встал Колька.

С рыжим они помирились, но уже в Афганистане. Тот каким-то образом узнал, что Сергей занимался карате, и попросил показать несколько приемов. Он оказался последним, кого Сергей видел из роты там, в Афгане. После обстрела колонны пуля попала Сергею в плечо, и Шмыгин, это был он, оказавшись рядом, потащил его в гору, полумертвого, на тех самых ногах, по которым он когда-то ударил сапогом, к санитарной «вертушке». Да, всего не расскажешь... Впрочем, он не был уверен, что его выслушают с пониманием, – так спокойнее всем. Что-то вроде группового сговора. Нет, та война совсем не походила на то, что время от времени показывали в программе «Время». Разве передашь словами, что испытал он, лежа в канаве и вжавшись в песок, когда впереди, за горящим «наливняком», горел живьем Леха Мамушкин из Минска, которого они меж собой называли Бульбой. Он кричал: «Мама!» Но слышалось лишь нечеловеческое: «А-а-а!» Или как потом, завернув его в брезент, мчались в госпиталь, как потом еще долго преследовал запах горелого мяса. Он представил: дома, получив похоронку, вот так же закричала его мать. И долго еще будет кричать. Зачем все это было, во имя чего? Он и сам не знал. Сейчас ему хотелось одного: скорее забыть, вычеркнуть из памяти эти полтора года.

Из-за темного хребта вот-вот должна была выползти луна, и Сергею казалось: в той стороне, над лесом, занимался огромный костер. Но огонь от него был холодным и мертвым, как в казарме от «летучей мыши». Набирая силу, он поднимался, расползался во все стороны, и вот уже свет попал в сеновал, высветил слежавшееся сено, сухую сучковатую стропилу, худые бока потемневшего от времени дранья, которым была покрыта крыша, ноги спящего брата.

Подняли их как по тревоге. Было еще темно, чуть выше над лесом стояла серая, словно недозревшая дыня, луна, за крышей дома, за огородом, охватив полукругом поселок, от реки напал туман.

– Вы что, дрыхнуть сюда приехали? – застегивая около забора ширинку, ворчал Алексей Евсеевич. – А ну, поднимайтесь. Все уже в сборе, ехать надо.

Сергей толкнул брата. Тот обалдело глянул куда-то мимо, закрыл глаза и перевернулся на бок.

– А ну его к лешему, еще темно, – буркнул он. – Куда в такую рань?

– Вставай, Петя, вставай, ждут ведь.

Через несколько минут, похлебав чаю, выехали за село. Желая сократить путь, Женька попер по целине и со всего маха влетел в лужу, перед капотом стеной встала вода, впереди гулко хлопнуло, «газик» повело в сторону. Сергей инстинктивно приклонил голову и сделал движение к двери. Ему показалось, под колесом рванула противопехотная мина. «Газик» остановился. Женька выскочил из кабины, осмотрел колеса.

– Пробили баллон, – хмуро сказал он. – Доставайте запаску, домкрат, придется менять.

Откручивая болты, Сергей опять вспомнил Мамушкина. Вот так же вдруг раздался хлопок, впереди встала на дыбы земля, машина, прыгнув, съехала в кювет и загорелась. Тут же ожила, заплясала злыми огоньками зеленка. Он открыл дверку, с подножки длинной очередью полоснул по кустам из автомата, в одно мгновение высадил весь рожок и упал в кювет с бесполезным уже автоматом. Подсумок с магазином остался в кабине. Но не было сил подняться, по металлическому боку «наливняка», будто забивая гвозди, застучали пули. Скрикошетив, они с визгом уходили куда-то вверх, в жаркую, как расплавленный воск, пустоту афганского неба. Из цистерны тугими струйками полился керосин, казалось, цистерна для устойчивости уперлась в землю прозрачными хоботками. Одна из них нашла себе место рядом с ним, и он думал: не дай бог вспыхнет, тогда – хана. Но керосин бежал себе и бежал, брызгал на гимнастерку, на лицо, вскоре заохлодило бок, и стало невозможно дышать от сладковатой керосиновой вони, которая, казалось, может вспыхнуть без посторонней помощи. Боковым зрением он следил за пылающей впереди машиной. На ней ехал Мамушкин. Когда услышал крик, Сергей пополз к горящей машине, обрывая ногти, стал забрасывать Леху песком.

Сверху, из-за горы, заурчали, приближаясь к дороге, вертолеты и с ходу начали обрабатывать эрэсами зеленку, огненные бичи хлестали землю, поднимали ее на дыбы. Вместе с песком, растопырив ветки, взлетали в воздух кусты, обрывки тряпок. Из-за машины выскочил чумазый шофер, достал из-под сиденья деревянную палку, заткнул пробоины. Догоравшую машину столкнули под откос, подняли Мамушкина в кабину и погнали на аэродром. С тех пор Сергей делал рожки сдвоенные, стягивал их изолентой валетом, чтоб, в случае чего можно было перебросить на другую сторону...

– Ты что, уснул? – толкнул его в бок Дохлый. – Давай помогай, крути.

Аркадий Аркадьевич дальше сел за руль сам. Они перевалили за хребет и начали спускаться в низину к реке. Внезапно Аркадий Аркадьевич остановил «газик» и показал за окно глазами.

Метрах в двадцати у дороги, в траве, сидели два зайца. Изредка выглядывала любопытная мордочка, мол, что за диковинный зверь остановился на дороге.

Дохлый протянул Аркадию Аркадьевичу ружье. Из другого окна высунул ружье Женька. Аркадий Аркадьевич повел ствол, грянул выстрел. Сергей увидел, как затанцевал, запрыгал заяц, другой припал к земле и, взвизывая, скачками пошел в гору. Женька выстрелил вдогонку из одного ствола, затем из другого. Мимо.

– В белый свет, как в копеечку, – беззлобно пошутил Аркадий Аркадьевич.

– Мазила! – выругал сына Алексей Евсеевич.

– Смотри, остановился! – вдруг закричал Дохлый.

Заяц добежал до опушки, сделал стойку. Сергей попросил у Аркадия Аркадьевича ружье, выскочил из машины, азарт захватил его. Заяц крутыми скачками бросился к дороге, сделал несколько прыжков по накатанной колее и, разогнувшись, сиганул через кювет в сторону леса. Сергей вскинул ружье и, едва ствол обошел зайца на корпус, нажал на спуск. Заяц через голову перевернулся в воздухе и боком упал на откос.

– А ничего, – оценил Аркадий Аркадьевич. – Сразу видно вояку. Теперь поехали.

Он бросил зайца в багажник, и «газик» двинулся дальше.

Минут через двадцать подъехали к реке, остановились, выгрузили резиновую лодку и стали переправляться на другой берег. Над рекой плыл туман, пахло сыростью, тиной, рыбой. Под ногами упруго, точно живая, шевелилась, давила на подошву резина. Лодка оказалась крохотной, и было непонятно, как она может выдержать на себе такой груз.

Неподалеку от того места, где они причалили, стоял темный бревенчатый дом, за ним виднелись еще какие-то постройки. Сергею они показались нежилыми.

– Ночевать здесь будем, – поймав его взгляд, сказал лесник. – Никто не живет, брошенная деревня. А когда-то большое село было. Церковь, школа. Теперь туристы останавливаются, жгут дома. Летом два дома спалили.

– Руки бы я им поотрубал, – сказал Аркадий Аркадьевич, – не туристы, а ушкуйники.

После удачного выстрела Аркадий Аркадьевич все чаще стал поглядывать на Сергея. Встречаясь взглядом, заговорщически подмигивал, а над Женькой беззлобно подтрунивал.

Переправились, собрали ружья и пошли вдоль берега, вниз по течению. Шли молча, лишь шуршание листвы под ногами да собственное дыхание нарушали тишину. Вдруг лесник остановился, прислушался и, кивнув головой на распадок, показал пальцем на Дохлого и Женьку. Затем поднял левую руку, постучал по стеклу часов, поднял пятерню, качнул ее три раза, это был условный сигнал к началу загона. Убедившись, что его поняли, пошел в гору, за ним двинулся Петр. Сережка шел за Аркадием Аркадьевичем, ноги у него скользили по опавшим листьям, и он с завистью смотрел на ботинки старателя. Тот ставил ногу твердо, поднимался легко, без усилий.

Вот таких ботинок им не хватало там, и часто, собираясь в горы, они надевали кто кеды, кто кроссовки, а сапоги – больше для парадов приспособлены.

Встали по номерам, начали караулить притихшую утреннюю тайгу.

Первый загон оказался пустым. Поднялись по ключу километр вверх, лесник, взмахнув рукой, остановил загонщиков. Сам же быстрым шагом пошел в гору.

Сергей скоро запарился: пока был в госпитале, пока отлеживался на вагонной полке, отвык ходить по горам.

Вновь выстроились по номерам и затихли. Сергей превратился в слух, глаза торопливо ощупывали валежники, перебегали от одного дерева к другому, отыскивали хоть малейшее движение. Напряженное ожидание вновь напомнило ему засады на караванных тропах.

Там, где стоял Брюхин, хлопнул выстрел, и сразу кто-то рядом заорал дурным кашляющим голосом. И тут началась пальба. Козел шел вдоль номеров, и каждый пытался достать его из своего ствола.

Случай вновь дал шанс Сергею. Козел, перепрыгнув и ручей, стал уходить в гору, как раз напротив него. Сергей выстрелил навскидку, можно сказать, наудачу. Аркадий Аркадьевич, когда распределял ружья, дал ему патроны, заряженные картечью-трехрядкой. На том месте, где скрылся козел, кусты, теряя листву, качнулись, пошли волной. Затихнув на секунду, вновь зашевелились, но уже чуть в стороне. По ручью к нему спускались Аркадий Аркадьевич и Петр.

– Алексей Евсеевич козу уложил, – сообщил брат. – А тут этот дурак заорал. Далеко, трудно было попасть. Куда он ушел?

– Туда, – махнул стволом Сергей. – Я сейчас схожу посмотрю.

Он перепрыгнул через ручей, нырнул под сосну и, цепляясь за кусты, полез в гору. Но через пару минут остановился. Сердце готово было выскочить из груди, накатила вяжущая слабость, на лбу и на спине выступил пот.

«Надо же так расписался», – подумал он, поглядывая сверху на поджидавших его охотников. Чуть левее за кустами увидел лесника, тот натягивал меж кустов веревку, приготавливая разделывать козу. Отдышавшись, Сергей поднялся еще выше, отыскал сосну, за которую уходил козел, и увидел на траве, на опавших листьях бурые пятна крови. Тяжело дыша, козел лежал метрах в пяти за кустом можжевельника. Бока его раздувались, как кузнечные меха.

Увидав Сергея, он попытался подняться на передние ноги, задняя часть туловища неподвижно лежала на земле. Не удержавшись, повалился на бок, все еще держа голову, как мачту.

Сергея поразили глаза: козел плакал, слезы текли совсем как у человека.

...Они накрыли «духов» в кишлаке гранатометами, многие из них ушли по киризу. Один лежал за камнем и держал руками разорванный осколками живот и тоскливо смотрел на подходивших солдат. Он еще жил, но даже без доктора было ясно – не жилец. А еще минуту назад он не знал, что произойдет, не знал, что вот здесь, за этим камнем, его настигнет смерть. Нет, он не хотел верить, что все кончено и дальше все пойдет без него, что его закопают здесь, в этом же киризе, и весной, когда в горах начнет таять снег, над ним потечет вода...

Сергей присел на пень, вытер руками пот со лба, переложил ружье, достал пахнущую чесночной гарью пустую гильзу, сунул в карман. Он смотрел вдаль, в ту сторону, куда уходил и должен был уйти козел. Если бы не его пуля, он бы ушел и жил бы еще. Три месяца назад вот так же, как этого козла, выцелили его, но не добились, ушли, и вот сейчас он сидит здесь, на этом пенке, живой и здоровый.

Козел еще разок дернулся, шея надломилась и мягко, точно из нее вынули пружину, повалилась на траву. Он подождал, когда у козла потухнут глаза, забросил ружье за спину.

– А ты фартовый, – похвалил его подошедший Аркадий Аркадьевич. – Молодец.

Почему-то похвала не обрадовала его. Как назойливую муху, отгонял от себя воспоминания, старался думать о чем-то другом, но не мог.

Аркадий Аркадьевич привязал козлу к ногам веревку, подвесил к сосне, вспорол живот и начал выбрасывать на землю внутренности. Сдерживая подступившую тошноту, Сергей отвернулся и отошел в сторону. Козла спустили к ключу, где уже лежала коза, убитая Брюхиным. Туши забросали лапником и тут же перезарядили ружья. Пока солнце не поднялось высоко, нужно было сделать еще несколько загонов.

После обеда к Сергею подошел Аркадий Аркадьевич.

– Знавал я твоего отца – охотник был, таких сейчас поискать надо, – затягиваясь папиром и покашливая, сказал он. – Я еще мальцом был, они меня с отцом брали. Я ведь на Барабе, на берегу родился. Потом волею судьбы на северах оказался. – Аркадий Аркадьевич сжал губы. – Да, не повезло, сейчас бы вместе охотились. Зуб на него кто-то имел, подловили, сволочи! Помню, помню его... Все меня на балалайке хотел выучить играть.

И Сергей ответно бросился душой навстречу. Надо же, есть люди, которые помнят отца, и не просто – хорошими словами вспоминают. В эту минуту он готов был обнять Аркадия Аркадьевича.

– С работой уже определился? Куда думаешь? – неожиданно спросил Аркадий Аркадьевич.

Сергей пожал плечами. Он, если честно сказать, и сам еще не решил.

– Наверное, в аэропорт, – сказал он. – Меня оттуда в армию призывали. Брат предлагает бортоператором.

– Это, конечно, неплохо, – раздумчиво произнес старатель. – Ну а если ко мне в артель? Сказки тебе рассказывать не стану, тяжело. Работаем как проклятые, зато у кассы человеком себя чувствуешь. Без денег плохо, всем обязан, все тебя учат, тыкают. На своей шкуре испытал. У меня меньше сорока за трудовень не получают. Подумай, мне парни с верным глазом нужны. Чтoб и работать умели и молчать, когда надо. – Аркадий Аркадьевич рассмеялся, хлопнул Сергея по плечу. – Я вот тут за тобой приглядывал – ты мне подходишь.

– Надо бы мясо к реке отнести, – сказал подошедший к ним Брюхин. – И крапивой переложить – испортится.

– Давайте мы с ребятами отнесем, – предложил Сергей.

– И то верно, – одобрил Брюхин. – Действуйте.

Козу волоком потащили Гришка с Петром, Сергей проводил их взглядом. Они запинаясь, мешали друг другу.

– А мы давай попеременке, – предложил Женьке Сергей. – Так легче.

Он взвалил на себя козла, ухватил его за ноги, подбросил пару раз, укладывая поудобнее, и пошел вниз по ключу. Но уже через несколько метров понял: погорячился, под ногами, прикрытые мхом, точно старицкие кости в суставах, хрустели камни, сухо, как выстрелы, ломались сучья, разваливался в прах сгнивший валежник. Того и гляди, собственных костей не соберешь. Но, закусив губы, шел, и вскоре козел по весу начал казаться сохатым. Сергея стало заносить в сторону.

– Да брось ты его, – зудел сзади Женька. – Чего надрываешься? Брось, я Гришке скажу, он приволочет.

Сергей остановился, медленно повернулся к Брюхину и, хватая запавшим ртом воздух, хрипло спросил:

– Что он у тебя, в работниках? Унесет, принесет.

Женька недоуменно, точно с ходу налетев на пень, посмотрел на него, затем длинно и смачно выругался.

– А у тебя от зависти мозги повернулись? Подколол! Чихать я хотел на твои подкалывания. Ты, что ли, ему хлеб покупаешь? Ну и помолчи. Бросай козла, а то кишки вылезут.

– Хорошо, – сбрасывая тушу на землю и тяжело дыша, ответил Сергей. – Извини, я не хотел обидеть.

– Меня трудно обидеть, – рассмеялся Брюхин. – Я на севере с Аркадием Аркадьевичем такую школу прошел, тебе и не снилось. Давно известно: дураков работа любит. Гришка правильно сориентировался. А ты, видно, все еще прошлыми иллюзиями живешь. Надо вперед смотреть, Сережа. Все мы хотели бы выглядеть лучше, чем есть на самом деле. Хорошо жить и чистенькими быть... Так не бывает. Человек – он от греха зачат, и все в нем грешно. А слова как одежда – прикрытие. Вот возьми законы, они правильные, слов нет. А на деле попробуй по ним жить. Вот как мы – ухлопали козочек. А ведь непорядок. Не положено их сейчас стрелять. Законы – они людьми придуманы. Если ум есть, их можно обходить.

– Как тогда с Ахметом?

– А что Ахмет? Он получил свое, – сузив глаза, ответил Брюхин. – Если Бог сотворил справедливые законы, он должен был сотворить идеального человека, с равными способностями и потребностями. А если дал маху, придумал меня, тебя, Ахмета, то должен закрыть глаза. Одно равенство есть среди людей, равенство первородного греха. Продайте имения ваши и давайте милостыню. Но кто, спрашивается, будет покупателем?

– Чувствуется школа, ничего не скажешь, – заметил Сергей. – Хорошо излагаешь. Тебя бы на недельку туда, где сидел Ахмет, или хотя бы на минуту под горящий бензовоз...

– Скажи, а ты убивал? Только честно, – перебил его Брюхин.

Сергей не ответил. Он почувствовал головокружение и тошноту: распадок, лежащий у ног козел, деревья, трава, стоящий перед ним Женька, поплыли перед глазами. Большим усилием Сергей пытался установить все на прежнее место.

– Послушай, Серега, ты в какое время живешь? – донесся до него голос Женьки. – Ну, допустим, ты выполнял там долг. Только перед кем? Думаешь, сделают из вас героев, по школам показывать начнут? Кампания кончится, и забудут.

– Ничего, напомним, – сквозь зубы, тихо проговорил Сергей. – И спросим, зачем нас послали.

– Когда все будет восстановлено, тебя уже не будет. Мой совет, как старому товарищу: держись Аркадия. В своем деле он – Бог. Запомни: молодость дана человеку, чтобы обеспечить старость.

– Ты прав, Брюхо. И я хочу жить сейчас, не откладывая на старость. Но своим умом, не чужим. Так, как я вижу и чувствую! И все же, если есть на тебе грех, он на всю жизнь.

– Дурак ты, Серега! Ты что думаешь, получил льготную книжку и вместе с ней право судить всех, кто не был там? Ошибаешься, милый. Лучше слушай, что тебе говорят, и на ус намотай. Аркадий дает тебе шанс. Но запомни: главное – держать язык за зубами. У них там свои законы. Попадутся если на чем – вытащит даже из зоны. Везде свои люди. Для них нет ничего невозможного. Порассказал бы я, да нет желания. Старатели – они деньги, золото дают стране. Комбинату грамм золота обходится в тридцатку, в артели себестоимость четыре рубля. Народ знает, за что вкалывает. Приглашает Аркадий, иди. Пару сезонов отработаешь, машина будет, квартира и все остальное.

Почему он обозвал его детским прозвищем, Сергей и сам не знал. Ему по-прежнему было плохо, накатил холодный пот. И он, чтобы не упасть, схватился за стоявшую рядом березку.

– Послушай, Жень, у себя свадьба. Кого берешь?

Брюхин быстро, исподлобья посмотрел, потом медленно, будто нехотя, ответил:

– Аньку... Анну, – тут же поправился он. – Аркадий Аркадьевич – ее отец.

Земля перестала качаться, встала под ногами твердо. Единственно, что ощутил Сергей – пустоту. Охота, козы, споры – все потеряло смысл. Странно, но к этому он уже был готов. Можно не знать главного, но чувствовать: все произойдет не так, как загадываешь. Так вот откуда у Аркадия Аркадьевича знакомые глаза. «Все кончено», – сказал он самому себе, хотя не знал, что именно.

– Ну, чего вы там расселись? – раздался снизу голос брата. – Давайте, здесь уже недалеко.

– Хватит трепаться, – сказал Женька и, взвалив козла на плечи, пошел через кусты вниз.

Сергей посмотрел ему вслед. Женька не любил и не хотел проигрывать. Ни в чем.

– Ты это чего? – глянув ему в лицо, забеспокоился брат, когда они вышли к реке. – Посмотри на себя, белый как смерть.

– Это госпиталь из меня выходит, – улыбнулся одними губами Сергей. – Ослаб я. Раньше с полной выкладкой на такие крутяки лазил, страшно вспомнить.

– Ничего, откормим, – уверенно сказал брат. – Козлятины поешь, дикое мясо, оно для здоровья самое то. Анатолию Васильевичу Пухову – нашему командиру – стегно презентую, глядишь, сразу приказ подпишет на борт. – Петр подмигнул Сергею, но, поймав недоуменный взгляд, начал неуклюже оправдываться: – А чего, все ведь люди, сейчас не помажешь – не поедешь. Он сдуру может тебя опять на грузовой склад затолкать. А с тебя какой сейчас грузчик? Так что твой выстрел не в козла, а командиру прямо в сердце, нет, прости, прямо в желудок. Желудком живут, сердцем любят. А ты там, Серега, какую-нибудь афганку не посмотрел, а?

– Нет, не присмотрел, – буркнул Сергей. – Не до того было.

Глава 13

Вечерняя охота началась удачно. В первом загоне убили трех коз, одну из них подстрелил Сергей. В следующий – еще двух. Сергей подумал: на этом охота будет закончена, куда мясо девать? Роту, да что там роту, полк накормить можно! Но ошибся.

Алексей Евсеевич повел их ставить новый загон. Перевалили хребет, вышли на поле. Аркадий Аркадьевич расставил номера на опушке. Сергей присел на пенек, положил ружье на землю. Слева от него, метрах в ста, первым номером стоял Женька.

Солнце уже коснулось леса, далеко в распадке начала собираться дымка. Было тихо, тепло, и казалось, так будет еще долго-долго, но он знал, пройдет еще неделя-другая, опадут листья, и кругом станет голо и свободно. Затем начнется ветер, пойдет дождь, а следом и мокрый снег, но его уже не будет здесь, скорее всего, никогда. Он, как перелетная птичка, попал сюда случайно, присел на пенек, чтоб уже через секунду улететь дальше, а потом и вовсе исчезнуть. Навсегда. Был и не был.

Снизу, откуда должны были идти загонщики, щелкнула ветка. В следующее мгновение Сергей увидел двух коз. Прямо на него шла наметом крупная самка, и следом за ней прыгала маленькая козочка. Время от времени коза оглядывалась, выбирала верное направление, и Сергей подумал: видно, она уже не раз попадала в подобный переплет. Метрах в двадцати коза увидела Сергея. Он был готов поклясться: в ее блестящих, как отполированные черные пуговицы, глазах мелькнул предсмертный ужас. Козочка, как ни в чем не бывало, обошла застывшую на полдороге мать и подскочила Сергею прямо под ноги.

– А ну, пошла! – шепотом погнал ее Сергей. – Пошла, пошла, чтоб я тебя здесь не видел.

Козочка некоторое время удивленно разглядывала его, затем бросилась обратно к матери. Та шархнула и, круто развернувшись, махами пошла вдоль опушки через поле, покачивая белым, точно прилепленным на зад, флажком. Поворачивая вслед за нею голову, Сергей краем глаза зацепил Женьку, он тоже заметил коз и, приподняв ружье, ждал. Коза шла прямо на него.

– Не стреляй, Жень, не стреляй! – крикнул Сергей. Но поздно. Сухо и зло стеганул тишину выстрел. Словно не веря, что все уже кончено, коза сделала еще один отчаянный прыжок и, как подкошенная, рухнула на траву. Козочка подскочила к ней и остановилась. Брюхин вновь повел ружьем.

– Не стреляй! – закричал Сергей и, прямо от живота, с обоих стволов ударил Брюхину над головой. Он хотел напугать, послал картечь над головой и не ожидал ответной реакции. Женька резко развернулся и выстрелил в него, но промахнулся – рядом с головой, совсем не страшно, пропела картечь.

– Ну ты, афганская сука, ты что делаешь? – прыгнув за сосну, заорал Брюхин. – Только шевельнись – прикончу!

Сергей бросил на землю ружье, опустился на пень, ничего не соображая.

– Ну и пададь же ты! – выглядывая из укрытия, кричал Женька. – Привык убивать людей.

– Сам ты пададь! – выдохнул Сергей. – Она заслужила жизнь, она ее уводила. А ты, ты... – Он вдруг почувствовал, что плачет, – ты ее убил!

– Послушай, истеричка. За такие штуки я тебя, как и Ахмета, упрячу, – пригрозил Брюхин.

Но Сергей не слушал его, в голове раскаленной точкой пульсировала одна и та же мысль: еще немного, и они бы поубивали друг друга. От этой мысли на душе стало гадко. Неужели между ними накопилось столько зла, что было достаточно крохотной искры, чтобы произошло короткое замыкание?

– Если бы я стрелял по-настоящему, не промахнулся бы, – уже спокойнее проговорил Сергей. – Выходи, не бойся.

С оглядкой на Сергея, но проворчав: «Бояться тебя, много чести», Брюхин вышел из укрытия и пошел к убитой козе. Дрожащими руками достал из кармана веревку, начал привязывать к ногам. К ним подбежал Петька.

– Ребята, что произошло? – встревоженно спросил он.

– А ничего, – поглядывая куда-то сквозь Сергея, ответил Брюхин. – Только я с ним больше охотиться не буду. Его тут нахваливают – стрелок, мол. Правильно, стрелок, чуть не ухлопал. Я не посмотрю, что он твой брат, всажу пулю, пусть потом выковыривает. Нашел кого жалеть – коз. Надо было тех жалеть, что уложил.

– Мазанул, наверное, а ты уж... – неуклюже начал выгораживать Сергея брат.

– Нет, мы обменялись любезностями, – усмехнулся Сергей. – Видно, и правда, нельзя нам вместе. Вот что, Петя, я тебе больше не помощник. – Он поднял ружье и, словно что-то вспомнив, обернулся к Женьке. – Неужели после этого ты будешь ее есть?

– Не беспокойся, буду, – прямо, в упор глянул на него Брюхин. – Уверен, и ты будешь. Если, конечно, не ханжа. Вот что, дружок, уж если пошел – иди. Дело не в козе. Я догадываюсь, почему ты психанул, – Брюхин замолчал.

– Ну-ну, договаривай, – побледнел Сергей.

– Ребята, да вы что, сдурели? А ну помириться! – Петр шагнул к Женьке, полуобнял, начал подталкивать в сторону Сергея.

Тот сбросил руку с плеча. Снизу подошли загонщики.

– Всего одну уложили? А пальбу подняли, мы с Аркадием думали, на вас стадо выбежало, – возбужденно заговорил Алексей Евсеевич. – Дошла козочка, ловко уходила. С ней еще маленькая бежала. Жаль, ушла, мясо у них нежное. Скоро стемнеет, надо на ту сторону переправиться, попробуем на машине по полям погонять.

– Так вроде бы хватит, – поглядывая то на Сергея, то на Женьку, сказал Петр. – Куда его девать?

– Сейчас кажется много, а домой приедем – мало. Кушать всем хочется, – назидательно заметил Алексей Евсеевич. – Пока фарт идет – имей его. Когда в следующий раз выберемся – неизвестно.

Глава 14

По распадку Сергей вышел к заброшенной деревне. От нее осталось несколько домов, чуть в стороне, на взгорке, в окружении сосенок стоял еще один – покрупнее, поначалу он подумал – клуб, но, приглядевшись, догадался: церквушка, вернее то, что от нее осталось. Он пролез через прясла и по заросшему огороду пошел к реке. Ноги заплетались в чертополохе, в грудь била созревшая, пряно пахнувшая, конопля.

Справа за церковью он увидел остатки сгоревших домов. Обугленные бревна и доски торчали во все стороны, и вся деревня предстала перед ним как после доброй бомбежки. Но и дома, которые издали выглядели целыми и справными, оказались порушенными: стекла выбиты, стены разрисованы, полы загажены. Сергею стало жутко: когда-то эти улицы жили, по ним гуляли, пели песни. Отсюда уходили служить в армию. Про себя он уже успел отметить: место это было богатое, не чета Релке. Спускаясь по ключу, он видел рясные кусты черной смородины, голубицу, морошку. «Какая же война пронеслась над этим глухим местом? По чьей злой воле ушли отсюда люди?» – думал он, заглядывая в пустые дома. Нет, видеть все это разорение было выше его сил.

Сергей спустился к реке. Вычищенная за лето до стального блеска вода – сама вечность – спокойно и неторопливо шла мимо, неслышно лизала серые крупные голыши. Склон противоположной горы наполовину был укрыт туманом, вдоль берега низко летели вороны, и, казалось, они делают контрольный осмотр, не вынесло ли чего на берег. Тут же рядом, у ног, лежали матовые, обглоданные водой хлысты, плавник, вывороченные с корнями стволы деревьев. Слева, точно подлаживаясь к реке, приглушенно шумел ключ. Прихваченная первыми заморозками, склонилась над ним черемуха, чуть выше гурьбой бежали к реке елки. Ниже по течению, посреди реки, как утюг, неслышно раздвигал воду остров. На самой макушке его торчал красно-белый бакен. Сергей присел на бревно, стал смотреть на реку. Он понимал: то, что произошло сегодня на охоте, не было случайностью. Обидно, Брюхин подумал – из-за Аньки. Нет, о ней он в тот момент не думал. Он и на охоту поехал потому, что узнал: едут Гришка с Брюхиным. Душа слепо рванулась к ним, по старой памяти, думал, побудут вместе, поговорят, хоть на короткое время вернется прошлое. Нет, ничего не возвращается. А ведь раньше, несмотря на стычки, не было для него людей ближе. Одна улица, одна школа, болото, Иркут – все было общим. И в Аньку влюбились одновременно. Что же произошло? Когда они выписывались с Колькой Русяевым из госпиталя, им сказали: «Живите сто лет!» И они подумали: самое трудное позади. Выходит – ошиблись. Нет, там было все яснее и проще.

Сейчас отсюда, с этого берега, ему казалось, судьба послала Русяева, дала его как бы взамен и, может быть, расплатилась Колькой за Афган. Ну, кто бы мог предположить, что его, продырявленного, вместе с другими загрузят в «черный тюльпан», который шел на Москву, и отвезут именно в тот госпиталь, где, побывав уже в двух – Кабульском и Ташкентском – лежал Русяев. Могли бы Сергея оставить в Кабуле или отправить в Ташкент, но случилось так, что они вновь оказались вместе. Можно сказать, повезло. Колька по праву старжила, чем мог, старался помочь. С забинтованной головой приходил к нему в палату, подныривая под растяжки, хлопал по каменным гипсовым повязкам.

У Кольки было осколочное ранение в голову. Как он рассказывал, нарвался на засаду, из дувала по машинам саданули из гранатометов, потом начали расстреливать в упор из ДШК. Последнее, что помнит: к нему подбегают «духи». Он сдернул с пояса гранату, но бросить не успел, потерял сознание. Очнулся на операционном столе. Но перед этим побывал в морге, и там кто-то из похоронной команды увидел в руке зажатую гранату. Вызвали саперов, начали вытаскивать гранату, и тут он застонал. Первую операцию, трепанацию черепа, сделали в кабульском госпитале, другую – в Москве. Поставили на череп пластмассовую пластину. Моло-

дой организм взял свое, дело пошло на поправку. Он ожидал выписки, ходил по палатам, играл на гитаре и вовсю крутил с медсестрами. С теми, кто был податливее, Колька уходил на ночь в комнату, где накладывали раненым гипс.

– Ты чего теряешься? Живи, пока живется, – шептал он Сергею. – Давай, я поговорю. Хочешь с Тамаркой? Ну, той, из кабинета реабилитации. Девка – во! Кстати, она про тебя спрашивала.

Сергей слушал его с каким-то стыдливым чувством. Не поймешь, врет Колька или говорит правду. Тамара ему нравилась: спокойная, серьезная. В госпитале она была на практике. Когда Тамара включала магнитофон, и все погружались в дремоту, он не закрывал глаз, смотрел на нее.

– Сестричка, дай мне насмотреться на твои русские глаза, – улыбаясь, говорил он. – Отвык.

Она в ответ смеялась. Когда молод и здоров, все кажется веселым и смешным.

Выписались они с Колькой в один день. Сразу же бросились на Казанский покупать билеты. Решили, что вначале заедут к Русяеву. Сергею было по пути, а уж дальше как получится. Колька предлагал остаться в его городе – если понравится.

– Когда выписались? – поинтересовался Зарубин.

– Сегодня утром, – ответил Сергей. – Попросили, чтобы в один день, чтоб уж вместе.

– Вот что, останетесь ночевать у меня, – сказал капитан. – Завтра ко мне друг на машине приедет, я его просил, он повозит по Москве. Я ведь ее тоже плохо знаю. Идет?

Еще бы! Кто откажется посмотреть Москву!

– А недавно я в деревню к матери ездил, – постелив им на полу, рассказывал Зарубин. – Тут неподалеку от Москвы, в Калужской области. От станции два часа пешком по грязи. Колхоз – двадцать пенсионеров. Умрут – можно закрывать. – Зарубин махнул в сторону окна. – Да как они такую ораву накормят? Ну, хоть бы малую часть из тех денег, которые мы вбухали в Афганистан, туда. И парней, которые могли бы заменить стариков, гробим на чужой земле.

– Илья Захарович, как можно все это объяснить? – спросил Русяев. – Я приеду к себе, приду в детский дом, меня ведь спросят. Что им говорить?

– Кое-кому, – подумав, ответил Зарубин, – захотелось поиметь собственную хоть и маленькую, но победоносную войну. Поиграть мускулами. Что вышло – видели сами. Нас можно втянуть в любую авантюру, спрашивать разрешения никто не собирался. Обманули здесь, будут обманывать и дальше, на этом все построено. Ну а мы, чтоб выжить, должны были добросовестно делать свою военную работу. Да, да, именно работу. Кое-кто из начальства думал, кочевники испугаются одного вида наших танков и вертолетов. Чего они могли нам противопоставить? Религию, фанатизм? А оказалось – это немало. Столкнулись с древней культурой, которую ни понять, ни рассмотреть не успели. А по-моему, и не захотели.

Перед тем как раздеться, Сергей спросил капитана, нельзя ли завтра взять еще одного человека. Ему пришло в голову пригласить Тамару – медсестру из кабинета реабилитации.

Сергей часто заходил к ней, просто так сидел и смотрел на нее – тихо становилось ему, покойно. Она приносила ему книги, за те два месяца он прочитал столько, сколько не читал, наверное, за всю жизнь. А как она рассказывала про Москву!

Колька поначалу сватал к ней Сергея, а потом и сам приударил.

– Приемы ближнего боя не для нее, – жаловался он. – Культурная. Чую, отец у нее не меньше полковника. С ней я себя ослом чувствую. Тамарка – девка серьезная, на таких женятся. Только не такие, как я, – вздыхал он. – Да и что за муж из меня – с дырой в голове. Мне, может, жить года два осталось. Не врачи, лежал бы уже глубоко-глубоко в цинковом бронежилете.

Утром Тамара стояла возле дома в голубом платье, в светлых босоножках, волосы перехвачены сзади лентой, в руках букет цветов. И все, увидев нарядную девушку, вдруг поняли: для того чтобы день стал настоящим праздником, не хватало именно ее – Тамары.

– Куда поедет? – спросил шофер. – В ГУМ, ЦУМ, Лужники?

– Давайте к Новодевичьему, – вдруг сказала Тамара. – И вообще, давайте посмотрим старую Москву. Будущим историкам это знать полезно.

Сергей как-то вскользь упомянул, что до армии учился на историческом. Оказывается, Тамара это запомнила.

Согласились без слов, если бы даже она предложила возвратиться в госпиталь, они бы пошли – Тамаре невозможно было не подчиниться в этот день!

– Монастырь основан в честь взятия Смоленска, – начала рассказывать она, когда подъехали к Новодевичьему. – Сюда была пострижена в монахини царица Ирина. Здесь похоронена царица Софья, генерал Брусилов...

Зашли во двор, постояли у могилы генерала Брусилова, на минуту заглянули в собор, нашли нишу, под которой покоились останки властолюбивой царицы Ирины, затем пошли на кладбище. У Тамары туда был специальный пропуск.

Чистые, посыпанные песком аллеи, тесно, вплотную друг к другу, как на последней поверке, стоят пышные, ухоженные надгробия.

У могилы Шукшина сидела старушка и смотрела на них, и они почему-то подумали, что, наверное, это его мать, но постеснялись спросить, постояли немного. Тамара положила на могилу цветы, и они пошли дальше.

– «Даром любви священным только избранные правят», – на одном из надгробий прочитал Сергей. Он подтолкнул Русаева, показал глазами на надпись. Тот остановился, долго смотрел, шевеля губами, читал, затем посмотрел в сторону Тамары. Она что-то объясняла Зарубину.

– Нет, Серега, это не для моего понимания, – наконец сказал он.

После осмотра Новодевичьего поехали в Донской монастырь. Вырвавшись из стада спешащих, рычащих, как борзые на охоте, машин, они проскочили мост через Москву-реку и свернули налево к монастырю, у стены вышли из машины и вслед за Тамарой двинулись к выходу. И вдруг будто попали за город. Трава по пояс, птички поют, на куполе и по карнизам вороны. В этой огороженной стенами заброшенности и тишине физически ощущалось время. Там и сям, вперемежку с молодыми и зелеными, стояли наполовину высохшие старые деревья. Под ними грелись на солнышке белые головки одуванчиков. И совсем не верилось, что рядом бежит, торопится куда-то огромный город.

– Сейчас в храме филиал музея архитектуры Щусева, – сказала Тамара. – Пытаются сохранить то, что осталось.

По широким, полуразбитым ступенькам они поднялись в храм, осмотрели выставку. На пути из храма свернули к заброшенному кладбищу. Сквозь траву выглядывали холодные серые плиты, стертые временем, солнцем и дождями, потрескавшиеся мраморные кресты, темно-серые монолитные в виде гробов памятники – маленький скорбный уголок давно ушедшей жизни.

– Здесь похоронен Чаадаев, – тихо сказала Тамара. – Царь Николай считал его опасным сумасшедшим.

– Если бы не стены, наверное, давно бы сровняли бульдозером и залили асфальтом, – заметил Зарубин.

– Кажется, Карамзин сказал: «Не уважаешь себя, чего ждать, что тебя уважали другие». А ведь это наша история.

– Пойдемте, я вам что-то покажу, – сказала Тамара и повела их вдоль стены.

И тут они увидели вмурованные в кирпичную стену белые горельефы, куски порталов и стен.

– Все, что осталось от храма Христа Спасителя. Был построен на народные деньги в честь избавления России от Наполеона. Более пятнадцати миллионов рублей золотом. Сейчас на его месте бассейн «Москва». Какие-то куски мрамора использовали для облицовки стен метрополитена, иконостас купила жена американского президента Элеонора Рузвельт. Что можно было продать, за бесценок продали, что невозможно было вывезти, – взорвали. Эти горельефы с изображением библейских сюжетов и сцен из русской жизни остались как укор всем нам.

– В честь кого был основан этот монастырь? – спросил Сергей.

– Донской? – Тамара наморщила лоб. – В честь избавления Москвы от крымского хана Казы-Гирея. Монастырь этот мужской, а Новодевичий – женский. Бабушка моя рассказывала: раньше Донской монастырь звонит, точно в гости приглашает, ну а Новодевичий в ответ: как отслужим, так приедем.

Что-то далекое и забытое послышалось Сергею в словах Тамары. Подобное он слышал в детстве на Релке от бабки Марьи. Увидев эти обломки, он вспомнил разрушенные мечети там, в Афганистане. Казалось, разрушили их одни и те же люди, которым все равно: что и где, лишь бы взрывать. Наверное, в утраченном Россией звоне колокола и крике муэдзинов было что-то общее: знак людям, чтобы они могли отключиться от земной суеты, хоть на секунду задуматься о вечном.

– У нас тоже был монастырь – Иннокентьевский. Говорят, знаменитый на всю Сибирь. Взорвали перед самой войной, – разглядывая стену, сказал Сергей.

– Я предлагаю в честь нашего освобождения из госпиталя заложить монастырь, – предложил Николай.

– Опоздал, уже есть, – улыбнулась Тамара. – Церковь Николы в Хамовниках и Троице-Сергиева лавра в Загорске... Давайте съездим в Архангельское. Место удивительное, за городом, недалеко. Лес рядом. Ребята хоть воздухом подышат.

В отличие от Донского монастыря Архангельское было прибрано, вылизано, вход по билетам. Трава подстрижена, деревья ухожены.

– Раньше имение принадлежало Голицыным, потом князьям Юсуповым, – рассказывала Тамара. – Во дворце картины Ван Дейка, декорация Гонзаго. В парке памятник Пушкину. Говорят, он любил бывать здесь.

В специальных тапочках, которые они натянули на сапоги, шли из одного зала в другой. Желтые, под слоновую кость, колонны овального зала, мраморные скульптуры античного, голубые вазы, напомнившие им купола афганских мечетей, древнеегипетские барельефы, зеркальный паркет столовой – нет, это было чудо.

Пообедать решили в ресторане «Русь», находившемся неподалеку от Архангельского, но их не пустили, шло спецобслуживание иностранцев. Конфликт пошел улаживать Николай.

– Куда они, шкурники, денутся? – с веселой злостью сказал он вернувшись. – Будут обслуживать как потомков князей Юсуповых. Когда мне говорят «нельзя», меня так и подмывает спросить: сколько будет это слово стоить?

Лишь позже, когда они остались одни, Колька признался: сунул официанту скопленные во время службы в Афганистане чеки, считай, полгода службы отдал, чтобы в своей стране пообедать рядом с заморскими гражданами.

Вечером они пошли в Знаменскую церковь слушать хор Воронина, знаменские распевы, канты. Как сказала Тамара, попасть туда почти невозможно, и билеты она достала по счастливой случайности, кто-то заболел и не смог пойти на концерт.

Ансамбль состоял всего из четырех человек: один бас, два баритона и тенор. Еще одно чудо, которое подарила им Тамара. Только сейчас, отсюда, он мог по-настоящему оценить все, что она им показала.

Что-то древнее, строгое и печальное наплыло на Сергея, и он сидел тогда оцепеневший, боясь пошевелиться и вздохнуть. Гулкие своды церкви, уносящиеся куда-то ввысь, в пространство, в вечность: голоса певцов, тишина зала – разве он мог мечтать об этой неожиданной награде? Как повезло им с Колькой, что они остались живы, что именно им выпал день, который запомнился на всю жизнь.

Господу Богу помолимся,
Древнюю быль возвестим,
Мне в Соловках ее сказывал
Инок, отец Питирим.

Воронин, красивый, высокий, пел, будто читал молитву. И было непривычно, страшно и хорошо одновременно – аж до мурашек по телу.

Песню про Кудеяра-атамана Сергей слышал давно, на патефоне у Марьи в исполнении Шалапина. Но что патефон по сравнению с живым голосом!

«Музыка должна идти от сердца к сердцу, а не через механический посредник – радио или магнитофон», – говорила со сцены ведущая, и он соглашался: да, все должно быть именно так.

После концерта Тамара пригласила их к себе, и они, признав полностью ее власть, пошли. Жила она в Безбожном переулке. Родителей дома не было, они отдыхали в санатории.

Книги – вот что поразило их. Они были во всех комнатах.

Сидели, пили чай, Колька молчал. Сергей рассказывал про Барабу, Релку. Тамара, широко раскрыв глаза, слушала, охала, смеялась, и Сергей впервые вдруг подумал: не такое уж незаметное место Бараба.

Тамара оставила их ночевать. Зарубин уехал к себе на Пироговскую.

Утром Колька взял у Сергея чеки и ушел в «Березку». Он купил в подарок Тамаре французские духи. Она начала отказываться, но Колька поставил коробочку на столик, по-медвежьи облапал девушку, и ну целовать ее в обе щеки; она вконец растерялась, не зная, что говорить и как себя вести.

– Эх, хороша Томаша, да не наша! – вздыхал он уже в поезде, который потихоньку выбирался из Москвы. – Ну, ничего, дадут мне квартиру, обмоем, а потом приглашу ее к себе. Может, и ты у меня останешься, я с нашими девчатами познакомлю. Согласен? Или Тамарку будешь кадрить? Все, уплыла, вон как те дома. А у нас техникум легкой промышленности и медицинское училище. Оставайся, в момент сосватаю. – Колька смеялся, хлопал Сергея. – Вот бы только с квартирой не накололи. Хорошо бы сразу крыша над головой. Надоело по общагам да по казармам.

– А ты в случае чего прилетай ко мне, – приглашал Сергей. – У меня на Релке домина пять на шесть, огород десять соток. Так что давай. Женишься: еще дом построим, места хватит. И девчонок – море, город не чета вашему.

– Посмотрим, посмотрим, – неопределенно обещал Колька.

На одной из остановок в вагон, громяхая костылями, вошел обросший парень, распахнул пошире пиджак, чтобы лучше была видна тельняшка, и громко, с надрывом запел:

Всего лишь час до вылета нам дан.
Всего лишь час последний передышки,
Сказали нам: летим в Афганистан,
В Кабул летят вчерашние мальчишки...

Кое-кто из пассажиров начал шарить по карманам, бросать в подставленную фуражку мелочь, другие отворачивались к окну, закрывали глаза. Протез требовательно стучал о пол все ближе и ближе, громыхали на стыках колеса; вагон, покачиваясь, летел к следующей станции.

– Неужто наш? – недоуменно спросил Сергей.

Ему стало стыдно, словно он сам шел по вагону с протянутой рукой. Да неужели возможно сейчас такое?

– Вот и рынок среагировал, – усмехнулся Русяев. – Начали разрабатывать жилу. Эх, Россия-матушка. Что-то нас он проигнорировал, а?

Расплескали мы крови
По Кабулу немало.
И придется еще,
Коль возникнет нужда...

Уже на выходе вышибал слезу из сердобольных пассажиров инвалидов.

Сергей подождал, когда он выйдет в тамбур, вышел вслед, тронул певца за плечо. Тот резко обернулся.

– Послушай, земляк, ты из какой части? – спросил Сергей. – Где стояли? Я недавно оттуда.

– Где надо, там и стояли, – огрызнулся парень. – Тебе какое дело? Ты мне пенсию не платишь.

– Послушай, друг, вот тебе денежка, – с какой-то злостью и облегчением Сергей сунул ему в карман пиджака десятку, – на хлеб и бесплатно совет: не ходи по вагонам. Узнают, что дурачишь, могут и из вагона выбросить.

Ой, как понадобилась бы та десятка! До дома ему пришлось добираться на пирожках. Но не в том беда. Приглашая к себе Русяева, он и не предполагал, что у него ни дома, ни угла – ничего своего. Правда, он еще не был в военкомате, но особенно надеяться не приходилось: он знал, с квартирами везде плохо.

Глава 15

Ночевать в брошенной дереvuшке, куда раньше всех вернулся Сергей, не стали, переправились на другую сторону, к машине. Сергей понял, привез их сюда лесник не случайно: огороды, покосы, поля были для коз хорошей приманкой. Вот и крутились они вокруг до около. И вдруг он представил, что это вовсе не козы, а лишенные домов люди. Но тут же остановил себя, не дал разыгаться воображению. Не хотелось ему таким образом оправдывать свой выстрел в Женьку. Тот делал вид, будто ничего не произошло, забрал у Сергея ружье, разобрал его и положил в машину.

В дом лесника вернулись, когда стемнело. Сергей из машины пошел на сеновал, его никто не остановил. Как был в одежде, так, не раздеваясь, упал на расстеленный тулуп. Ему хотелось поскорее забыться, выбросить из головы сегодняшний день.

– Ты что, спишь? – разбудил его голос брата. – Брось притворяться, знаю: не спишь... Ну, чего молчишь? Ты на меня за Брюхиных не злишься. Сам виноват. Женька, он ведь тоже дух добрый, мог бы влить тебе. Нашел бы чем объяснить. Сказал бы, в порядке самообороны. Хорошо еще все так кончилось. Есть Бог – грех отвел. Тебе, конечно, с ними детей не крестить. А вот мне... Ритка, сам знаешь, им неродная. А Алексей Евсеевич помогает нам. Одним трудно. Это только кажется: легчик – полный карман денег, а на самом деле... Приехал из училища, назначили оклад восемьдесят пять рублей, с коэффициентом – сотня. А ведь молодой, одеться хочется, а тут хватало ровно на автобус, да чтоб с голоду не подохнуть. Хорошо, еще форма, так бы и ходил в чем придется.

– Проблемы: у кого щи жидкие, а у кого бриллианты мелкие, – поглядывая в темноту, сказал Сергей. – Если так плохо было, шел бы в другое место. Что, другие лучше жили? Или ты хотел сразу все: и форму, и хлеб с маслом. Так не бывает. Плачешься... Откуда это в тебе?

В темноте повисла тишина. Не ожидал, видно, Петя таких слов.

– Да ты меня не понял, – свистящим шепотом вновь заговорил Петр. – Я не плачусь, а говорю то, что есть. Мы все родителям верим и надеемся, что будем жить лучше. А что на самом деле получается? Приходится начинать с нуля. А вот у других есть задел. Им предки и квартиру, и кое-что еще в придачу оставляют. А мы...

– Ты что, отцу с матерью счет хочешь выставить? – перебил брата Сергей. – У отца ни машины, ни квартиры, ничего, кроме нас, не было, но перед соседями не плясали. Бедно жили, но весело, – и, подумав, что брату должно быть горько слушать такие слова, решил пощадить его самолюбие: – А ты можешь гордиться – выучился, легчик. И все своими руками, своей головой.

– Да не все, – так ничего и не поняв, гнул свое Петр. – Брюхины помогли. Не взял бы Ритку, подышать мне в Релке. Какой там дом... Продавать на сторону – рублей пятьсот, может, и дали бы. Развалюха. Единственное – огород. Фактически не дом, а огород продал.

– Ну и сколько Брюхины тебе отвалили?

– Пару кусков.

– Петя, в кого ты такой неловкий? Мог бы и больше попросить. Только Брюхины не тебе, Ритке дали. Ты за них сполна отработаешь, – уже не смягчая, начал хлестать брата Сергей. – Или я ничего не понимаю в наших родственниках.

Нет, хватит, остановил он себя. Так они ни до чего хорошего не договорятся. Мало того, проснутся завтра врагами. Этого еще не хватало. Да и не лучше ли будет не хлестать брата, а пожалеть его?

– Родителям надо памятник, – помолчав, предложил мировую Сергей. – Я позавчера был на кладбище.

– Да, да, обязательно, – подхватил Петр. – Я как раз собирался...

– Давай не будем больше откладывать. Договорились? Приедем домой и закажем, а лучше сами сделаем. Мне приходилось, научили.

– Я что, я хоть завтра, цемент, мраморную крошку, все достану, на машине привезу.

– Вот и хорошо.

Они долго молчали, но ни один не засыпал.

– Зря ты психанул, – вдруг сказал Петр. – Дадут нам козу, а остальное, что сегодня убили, меж собой поделают. Такой у них обычай.

– Пусть возьмут, – устало, будто он старший, а не Петр, отозвался Сергей. – Не жили богато, нечего начинать. – И подумал: «Эх, Петька, Петька. В кого ты у нас такой?» Отец не стал бы стонать, выгадывать, выпрашивать себе кусок. Зато сохранял в себе нечто большее, чего не обменяешь на мясо, – независимость. За это одни любили, другие ненавидели. А убить на охоте, оказывается, просто... Можно случайно, а можно и не случайно. И если хорошо спрятаны концы, не найдешь, пожалуй.

Утром пошли за козами, которых оставили в ключе. И не нашли. Ночью приходил медведь, полакомился свеженинкой, остатки перепрыгал в другое место, утащил туши на гору и завалил мхом да валежником. Постреляли для остротки в воздух и злые вернулись в поселок.

– Поохотились называется, – ругался Алексей Евсеевич. – Да меня с такой охотой из дома выгонят.

– А мне и этого хватит, – глянув на свой мешок, сказал Дохлый. – Мать рада будет, тысячу раз спасибо тебе, Алексей Евсеевич, скажет. И ребят в редакции угощу. Может, и снимок какой через газету пропущу.

– Нам реклама не нужна, – хмуро сказал Аркадий Аркадьевич.

– Понял, никакой рекламы, – по-военному отчеканил Гришка.

Сергей свою долю отдал Брюхиным.

– Мне много не надо, а вам сейчас понадобится. Можете считать – это мой подарок на свадьбу.

Взяли без всяких благодарственных и извинительных слов, как будто так и надо. Он почему-то так и знал – возьмут. И после того как взяли, ему стало легче: вроде бы как откупился за выстрел в Женьку. И лишь позже понял: нет, такие вещи не забываются и не прощаются. Много мешало этому. Тут и дом, и отец, и Анька. Ниточка, протянувшаяся между братом и Брюхиным, держалась на Петькином смирении и покладистости. Слишком тонкая, чтоб соединить дома, она крепче каната связала по рукам брата.

Дома их встретила Рита, по-родственному обняла Сергея. Он был не готов к такой встрече, напрягся и покраснел, она, почувствовав, что он не допускает до себя, смутилась, но быстро справилась с собой, потянула за рукав от порога.

– Слава Богу, живой, – с улыбкой сказала она. – А то мы чуть с ума не посходили. Ни слуху, ни духу. Рассказывай, что там с тобой приключилось?

– Да так... – смущенно ответил Сергей. – В госпитале залатали, говорят, даже летать могу.

– Ничего, маленько, – заметил Петр. – Проникающее ранение грудной клетки с повреждением легкого. Но ты бы видела, Рита, как он стреляет. Блеск! Аркадий Аркадьевич его сразу к себе в артель зазывать стал.

– Почему он не заехал? Давненько я его не видела, – заметила Рита. – Он мне дубленку обещал достать. Ну что, Сережа, раздевайся, будь как дома и пошли на кухню, поможешь мне картошку чистить.

Настороженность, сидевшая в Сергее, обвалилась, как сосулька под солнцем. Он вдруг поймал себя на мысли, что страдает тем же, в чем пытался на охоте обвинить брата и Женьку Брюхина. Ему хотелось, чтоб все жили и поступали, как того желает он, отсюда и скорый суд, и непонимание. Ну разве можно сердиться на Риту? Вон, беспокоилась за него и сейчас подошла первая. Нет, пенять на других не надо, если у самого рожа кривая.

Петька начал освобождать холодильник, но делал все бестолково: разбил тарелку, на пол полетели бутылки, банки. Затем достал нож и стал разделять мясо. Часть уложил в холодильник, часть унес к соседям. Вернувшись, начал помогать Рите накрывать на стол.

– Свихнулись они на этой свадьбе, – протирая салфеткой фужеры, сказала Рита. – Кого удивить хотят? Не понимаю.

– Как кого, Барабу! – откликнулся Петр. – Каким бы Алексей Евсеевич большим стратегом и тактиком ни был, дальше своего болота не смотрит.

– Плохо ты знаешь отца, – заметила Рита. – Если он чего захочет – добьется. Хватка у него, куда там Аркадию Аркадьевичу. Ты что думаешь, наш Женька невесту нашел или в университет поступил? Это папаня поступил. Не пойму только, чего они со свадьбой так торопятся. Что, Петенька, задумался? Подарок надо покупать. Может, сервиз? Как ты думаешь, Сережа?

Если бы они знали, какую боль причиняют Сергею своим разговором.

Подарок... Был у него подарок. Ей. Духи купил в той же «Березке», на чеки. Хотел удивить, да не вышло.

Сергей достал из кармана гимнастерки пузырек французских духов и протянул Рите.

– Это тебе, – сказал он. – Любимой невестке.

В Ритиных глазах, как в глубоком колодце, плеснулось смешанное с удивлением недоверие, она посмотрела флакончик на свет, изучила наклейку и, убедившись, что все без обмана, напустилась на Петьку. Вот, мол, бери пример с брата.

– Неужели там купил? Что там еще продают? – спросила она.

– Там не до того было, – улыбнулся Сергей. – Очень много нашего: сгущенка, тушенка, сигареты, даже черная икра попадалась. Деньги у меня любые, в том числе и наши советские. Пятьдесят афгани – доллар. Тысяча афгани – дубленка. Все меняется и продается. Особенно гоняются местные за калошами, наши – за вонючками, там так дубленки называют.

– Точно, – подтвердил Петр. – Только качество у них неважное. Лучше финскую или югославскую. Я бы афганскую мог взять, два дня суточных в Кабуле – дубленка. Пришлось выбирать: магнитофон или, как ты говоришь, вонючку. Да и по городу не очень-то пускали, так, по ближайшим лавкам. И то под охраной.

– Ужас, ужас! – Рита схватилась за голову. – И когда все это кончится. А я, дура, Петьку заела, давай оформляйся за границу. У них ребята в Анголе работали, чего только не привезли.

– А теперь по больницам ездят, – съязвил Петр. – Все больными вернулись, а кое-кого уже нет. Знаю я эти командировки. Тебе что, лучше заграничные тряпки или здоровый муж?

– Муж, конечно, муж, – засмеялась Рита. – Только мне тоже дубленку хочется. Аркадий обещает достать.

– Обещанного три года ждут, – насупившись, ответил Петр. – Шучу, шучу, – поймав недовольный взгляд жены, сказал он. – Купим, какие наши годы. Здесь вот какой вопрос. Сергея надо с работой определять. Завтра мы к Пухову пойдем, обещал устроить. Жить он будет у нас, отдадим холодную комнату. Он тут хотел в дом, на Релку. Чего там одному-то делать, с твоими родителями лаяться? Они кого угодно со свету сживут.

– Они такие же мои, как и твои, – сузив глаза, холодно сказала Рита. – Пусть живет здесь, ремонт поможет сделать. С тебя толку мало. Нет, Сережа, и в кого у вас Петька – не пойму. Унитаз шумит, краны бегут, полы – вон какие щели. А ему хоть бы что. Все ремонт делают, а он летает да на охоту ездит. Я тут должна по слесарям бегать, мужскую работу выполнять. – Она подошла, полюбнула Сергея. – Живи, конечно живи, утри нос братцу. Я помню, как ты на Релке в сарае штаб с библиотекой сделал, любо посмотреть было. Я тебя всегда Женьке в пример ставила.

– Ладно, помогу, – улыбаясь, сказал Сергей. – Когда так просят, разве устоишь. Но потом все равно на Релку. У каждого кулика должно быть свое болото.

– Ой, совсем забыла, – всплеснув руками, сказала Рита. – Утром парень приходил. Говорит, вместе служили, симпатичный такой, все с прибаутками. Тетка Марья ему наш адрес дала. Я его оставляла, но он уехал. Подожду, говорит, Серегу у Федора Михайловича. Они там подполье осушивают.

Поначалу Сергей не понял, о ком она говорит, но вдруг его осенило. Колька, кто же еще!

– Петь, дай мне трешку, – отозвав брата в другую комнату, – взволнованно зашептал Сергей. – Я отдам, ей-богу. Колька, тот, про которого я тебе рассказывал, приехал.

– На, возьми, – брат сунул руку в карман, достал пятерку. – Тащи его сюда.

Сергей выскочил из дома, остановил такси и помчался на Барабу.

Перемахнули ночной мост и свернули на темную дорогу, которую с обеих сторон обступили тополя. Слева показалось садоводство, затем мелькнула холодная стеклянная гладь озера.

– После озера налево, – скомандовал Сергей.

– Я туда не поеду, – сказал таксист. – Я вчера под вечер бабку туда отвез, засел, насили вытащили. Говорят, есть туда объезд, но я не знаю. Так что придется тебе топтать пехом.

– Пешком так пешком – не привыкать, – сказал Сергей. – Друг там меня ждет, вместе в Афганистане служили.

Он сунул таксисту пятерку и хотел было выйти из машины, но тот остановил его, подал сдачу.

– Не бросайся, парень, – сказал он. – Тебе еще они пригодятся. Извини, что не могу до места.

Едва Сергей сошел с дороги и свернул за угол, как сзади послышались шаги. Он оглянулся. Растянувшись в цепочку, его догоняли трое. Им нужен был именно он, это Сергей понял сразу и прибавил шаг. Впереди от забора отделился человек и преградил ему дорогу. Справа забор, слева озеро – не проскочишь, место выбрали удобное, когда-то в детстве он попадался здесь Ахмету.

Напружинившись, Сергей двинулся вперед. Он хорошо знал свой поселок и повадки тех, кто жил в нем. Кричи – не докричишься, одна надежда – на себя. Сейчас его остановят, может быть, для начала попросят закурить... А могут и не спросить, отмолят молча.

– Закурить не найдется? – спросил тот, которого он определил охотником.

Голос показался знакомым. Неужели Ахмет? Похож. Фигура его, а главное голос.

– Ахмет, ты?

Охотник замер, застыл посреди дороги, затем коротко свистнул. Те, что шли сзади, остановились, осветили Серго, фонариком.

– А, это ты, Рябой, – разочарованно протянул Ахмет. – Бродишь по ночам.

– Чего бояться. Свое болото, – сдерживая дыхание, миролюбиво ответил Сергей. – А ты здесь вроде контрольно-пропускного пункта устроил?

– Вмазали маленько, – зевнул Ахмет. – Может, у тебя че есть? Давно не виделись, могли бы и обмыть встречу и обсудить кое-что. Например, как вы меня в тюрьгу спрятали. Ловко вы меня тогда.

– Не обобщай, «вы», – сухо ответил Сергей. – Я и сейчас могу сказать, зря посадили. Но я не судья.

– Ну ладно, ладно, как-нибудь разберемся. Ты че, отслужил? А я слышал, вроде кокнули тебя, а ты живой, – и нельзя было понять, сожалеет Ахмет или радуется. – Может, пойдем ко мне, посидим. У матери, я знаю, есть.

– Не могу, друг ко мне приехал. Он у Марьи сейчас.

– А, так это твой кореш, – присвистнул Ахмет. – Ты уж извини, мы хотели маленько с ним поговорить, так он не захотел. Доску от забора оторвал и начал махать. Ребятки мои на него обозлились. Ты ему скажи, не надо быть таким нервным и пусть он больше этой дорогой не ходит. Сдуру ткнут перышком, сквознячок сделают.

– Он видел кое-что пострашнее ваших перышек, – хмуро проговорил Сергей. – Ему осколком полголовы снесло.

– То-то и видно, голова не в порядке, – поймав на слове, коротко хохотнул Ахмет. – Я тебе сказал – ты послушал. На другого бы тратиться не стал. Ну так что, куда ты, ко мне или к себе за болото?

– К себе. Если хочешь, пойдем со мной, познакомлю. Парень что надо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.